

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
АКАД. Б. Д. ГРЕКОВ

32

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1950

А. И. БАРАНОВИЧ

НАСЕЛЕНИЕ ПРЕДСТЕПНОЙ УКРАИНЫ В XVI в.

I

На любой исторической карте южная часть Восточной Европы в середине XVI в. обозначена как пустынная территория. Пустынной территорией принято считать и южную окраину Польско-Литовского государства в XVI в. А. Яблоновский рисует «безбрежные пространства лежащей пустыней Руси», бывшие «лишь убежищем диких зверей». ¹ Украинная Русь, по мнению Яблоновского, была «единой необъятной полосой чаш, пустынь и диких урочищ». ²

В польской шляхетско-буржуазной историографии это утверждение было общепризнанным и не только никем не оспаривалось, но усердно популяризировалось, являясь исходным пунктом в пропаганде «цивилизаторской роли» польского панства на Востоке. После захвата Украины панской Речью Посполитой, «благодаря лучшему обеспечению границ и предприимчивости панов,— как пишет Яблоновский,— возникли бесчисленные новые поселения», и «это все огромное пространство пустых земель» «в короткое время покрылось деревнями и городами». ³ «Под могущественным цивилизаторским руководством» панства «русские земли» «возрождались, расцветали». ⁴ Если так, то ясно, что выполнение этой задачи польским панством было «моральным оправданием его владения, а со временем стало его высокой исторической миссией». ⁵ Порабощенная панством Украина, оказывается, должна быть бесконечно благодарна панству за свое «возрождение»: ведь «после татарского погрома,— пишет Яблоновский,— Русь совершенно не имела сил, чтобы подняться, и никогда не была бы в состоянии сама это сделать». ⁶

Это «моральное оправдание» польской шляхетско-буржуазной историографией панского колониального грабежа давно должно было вызвать законные протесты. Ведь даже если допустить, что захваченная Польшей в XVI в. Украина была в состоянии полного упадка и запустения, а в 40-х годах XVII в. оказалась в блестящем состоянии, то из этого еще не следует, что расцвет произошел благодаря «цивилизаторской деятельности» панской Речи Посполитой и «предприимчивости» самих панов. Мы знаем, что во второй половине XVI и первой половине XVII в.

¹ A. Jabłonowski. Pisma, t. III, str. 236, 286.

² Там же, стр. 240.

³ Там же, стр. 285—286.

⁴ Там же, стр. 302.

⁵ Там же, стр. 240.

⁶ Там же, стр. 241.

на южную «украину» Речи Посполитой переселилось много людей, но ряд историков давно уже убедительно доказал, что эти переселенцы в основной массе были крестьяне, бежавшие от невыносимого панского грабежа. Таким образом, «предприимчивость» панов сводилась прежде всего к разорению находившихся под их властью поселений. На «украину» крестьяне бежали не потому, что там паны обеспечили им хорошую жизнь, а потому, что панская власть была там слабее, а панская эксплуатация ощущалась не так остро. Добавим, что никаких эффективных мероприятий для обороны южных границ панская Речь Посполитая не осуществила: оборону несло местное население — казаки, мещане, вооруженные жители деревни.

М. Ф. Владимирскому-Буданову принадлежит большая заслуга в разоблачении этих фантастических легенд, созданных адвокатами шляхетских колонизаторов. Владимирский-Буданов собрал в трех томах «Архива Юго-Западной России» обильный актовый материал о «заселении» южной окраины Польско-Литовского государства. Но в оценке состояния «украинных земель» ко времени Люблинской унии он признал утверждения польско-шляхетской историографии, и, по его мнению, эта территория во время захвата ее панской Польшей находилась в состоянии полного упадка и запустения. Владимирский-Буданов произвел детальное исследование состояния населения «украинных» воеводств и уездов в середине XVI в. Материалом, на основании которого он делает выводы, являются люстрации 1545 и 1552 гг. Выводы Владимирского-Буданова рисуют печальную картину: на огромных пространствах воеводств Брацлавского и Киевского (исключая его северную часть) — от р. Днестра до окрестностей Харькова; от Винницы, Житомира и Киева до Полтавы, Чигирина и Балты жило несколько десятков тысяч человек. На этом громадном пространстве — 6 городов, включая Киев, Житомир и Винницу, а всех населенных пунктов — 208, но из этого числа 80 — «селища», т. е. поселения пустые, не имевшие постоянных жителей. «Число населения определяется домами (семействами) для всей Украины в 3399 домов. Если принять каждое семейство состоящим из 5 душ, то все население 6 поветов состояло бы из 17 000 душ обоого пола». ⁷ Но и Владимирский-Буданов считает это количество «далеко ниже действительного», ибо, во-первых, показания люстрационных актов «обнимают лишь часть населения», так как «с полным торжеством шляхетства (после Люблинской унии) признано было основным началом, что люстрирование шляхетских имений — есть нарушение коренных прав высшего сословия»; ⁸ во-вторых, нужно учесть, что «Украина уже тогда наполнялась бродячим населением (казаками), которое не поддавалось никаким переписям». ⁹ Перед нами возникает вопрос: насколько «ниже действительного» считал Владимирский-Буданов указанное им число — 17 000 душ? Из всего текста его работы видно, что количество населения Украины в середине XVI в. он считает крайне ничтожным. В приведенном абзаце далее следует фраза: «но и увеличенная вдвое приведенная сумма останется слишком ничтожною». Итак, по мнению Владимирского-Буданова, на этом громадном пространстве жило максимум 34 000 лиц обоого пола.

⁷ М. Ф. Владимирский-Буданов. Население Юго-Западной России от второй половины XV в. до Люблинской унии (1569 г.), Предисловие к «Архиву Юго-Западной России» (Арх. Ю.-З. Р.), ч. VII, т. II, стр. 33.

⁸ Там же, стр. 22.

⁹ Там же, стр. 33.

Выводы, сделанные Владимирским-Будановым в результате детального изучения большого актового материала, им же опубликованного,¹⁰ казалось, окончательно разрешили вопрос о степени заселенности «украины» Польско-Литовского государства в середине XVI в.

М. С. Грушевский, описывая жизнь этих областей в указанное время, озаглавливает раздел своей многотомной «Истории Украины — Руси»: «пустыня украинная».¹¹ «До 1560-х годов,— пишет он,— восточная Украина лежит пустыней. Одинокое постоянное поселения (оселі) прижимаются к немногочисленным замкам, в городском остроге и под ним, а все безграничное пространство этой страны эксплуатируется только находом, ватагами ухадников».¹² Приводя число домов в Брацлаве, М. С. Грушевский буквально повторяет фразу Владимирского-Буданова, заявляя, что «это не только все оседлое население г. Брацлава, а одновременно все оседлое население Брацлавщины».¹³

Если польская шляхетско-буржуазная историография использовала картину запустения Украины для оправдания панской колониальной эксплуатации Украины, то М. С. Грушевский использовал ее для построения своей буржуазно-националистической «теории» об отсутствии у украинского народа классовой борьбы, для своей пропаганды единого национального фронта под руководством украинской буржуазии. Он нарисовал следующую картину «приливов и отливов» всего населения юго-восточной части Украины: когда предстепной пояс подвергался со стороны кочевых орд «разрушительным нападениям на оседлое население, это последнее отливало отсюда в северные и северо-западные области, лучше защищенные горами, лесами и болотами. Но лишь только прекращался, либо, по крайней мере, ослабевал турецкий натиск, потомки эмигрантов и просто массы населения двигались без удержки в пустые и небезопасные, но богатые дарами природы южные области, добывали их вновь для оседлой колонизации, и жизнь закипала здесь горячим ключом».¹⁴ Такими большими были «отливы» под натиском печенегов в X в., под натиском половцев в конце XI в., при татарском погроме XIII в. и при крымских опустошениях конца XV — первой половины XVI в. Последние опустошения, пишет Грушевский, «превращают в пустыню всю украинскую предстепную территорию».¹⁵ Исходя из утверждения о постоянном на протяжении столетий движении населения Украины, Грушевский приходит к выводу, что эти колонизационные «волнения не позволяли отвердеть ни общественным, ни политическим отношениям». Результатом этого был «политический упадок», который «тянул за собой окончательное растаскивание и присвоение чужеродными общественными слоями всего, что составляло национальные богатства». «Высшие, более культурные слои и накопленные ими культурные запасы» — «все очутилось в конце концов в руках чужеродных хозяев, владельцев страны, а украинской стороне осталась голая народная масса — порабощенная, лишенная всяких экономических и культурных средств, всяких политических и гражданских прав».¹⁶

¹⁰ Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, тт. I, II и III. «Акты о заселении Юго-Западной России».

¹¹ М. С. Грушевський. Історія України-Руси, т. VII, Київ — Львів, 1909, стр. 43—47.

¹² Там же, стр. 41—42.

¹³ Там же, стр. 47. Ср. М. Ф. Владимирский-Буданов. Предисловие к Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 55.

¹⁴ М. С. Грушевський. Указ. соч., т. I, Київ, 1913, стр. 13.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же, стр. 15.

Господствующее в исторической литературе мнение о полном запустении степной и предстепной части Украины в результате опустошений кочевников, в частности мнение о превращении в пустыню этой территории в конце XV — начале XVI в., Грушевский использовал для обоснования своих утверждений об отсутствии якобы у украинского народа эксплуататорских классов, для обоснования утверждения о «безбуржуазности украинской нации».

II

Выяснить количество населения любой страны в XVI—XVII вв. очень трудно. Весьма трудно выяснить количество населения в указанное время и в Речи Посполитой. Источники не дают прямых сведений о числе населения того времени, ибо ни владельцы имений, ни общегосударственные органы не производили подсчета всего населения — лиц обоого пола, взрослых и детей. Поэтому приходится прибегать к таким объектам, которые могут дать косвенные указания о числе населения. Такими объектами могут быть хозяйственные единицы того времени. Числом и характером хозяйственных единиц интересуются владельцы имений при определении повинностей «подданных» и доходов имений, числом и характером хозяйств интересуются общегосударственные органы при обложении налогами.

Сведения о хозяйственных единицах мы находим в инвентарях имений и люстрациях королевщин. Эти документы упоминают дворы-фольварки, зачастую описывая их, упоминают о пасаках, корчмах, мельницах, руднях и т. д., дают перечень крестьянских хозяйств по отдельным их категориям, перечисляют ремесленников, торговцев, бояр и т. п. Казалось бы, на основании сведений инвентарей и люстраций и следует производить подсчет населения. Ведь это источники, безусловно, наиболее полные, а в частности, инвентари — повидимому, и наиболее достоверные. Если владелец имения, в том числе и державца королевщины, мог пытаться скрыть от представителей государственной власти доходы имения, число объектов обложения, то в инвентаре, составленном для своих собственных хозяйственных расчетов и планов, помещик старается выяснить состояние имения возможно полно и детально. Но инвентари и люстрации как источник для подсчета числа населения содержат весьма серьезные недостатки. Во-первых, их мало: они охватывают лишь небольшие участки исследуемой территории. Люстрации дают сведения о большем числе поселений, конечно, в тех воеводствах, где королевских имений много. Инвентари же XVI — первой половины XVII в. встречаются редко и сведения дают об одном, либо нескольких населенных пунктах. Поэтому первым недостатком инвентарей и люстраций при исчислении населения больших территорий является то, что на основании их возможно лишь выборочное, но не массовое обследование, причем число объектов обследования будет зачастую недостаточным для общих выводов, а выбор объектов зависит не от исследователя, он диктуется материалом. Далее, у этих источников есть и другой большой недостаток. Ведь эти источники вовсе не так ясны, как кажется при первом взгляде, и истолковать их порой бывает очень трудно. Возьмем инвентари XVI — первой половины XVII в. и начнем подсчитывать крестьянские хозяйства. Сразу же оказывается, что там записаны дворища либо службы. А сколько в них могло быть в среднем людей? Это совершенно неясно. В инвентарях и люстрациях описывались волоки, ланы, плуги. Опять неясно, сколько на волоке, либо плуге было людей. В люстрации г. Кременца 1563 г.

записаны «плацы», причем эти «плацы» (усадыбы) различных размеров.¹⁷ Сколько в такой усадьбе могло быть домов, людей? При люстрации киевского замка 1552 г. в деревнях записали число «людей», либо «человеков».¹⁸ Как понимать этот термин? «Человек» — глава семьи, глава хозяйства? А если хозяйства, то какого, не дворища ли?

Определить число населения больших территорий — воеводств, например, — на основании документов панских или королевских имений нет возможности. Выяснить число населения таких территорий возможно лишь на основании документов общегосударственных, каковыми в первую очередь могут быть документы об общегосударственном обложении населения.

В XVI в. налогом, падавшим на все население Речи Посполитой (разумеется, исключая привилегированных, освобождаемых от налога лиц), был побор. Поэтому подсчет населения воеводств Речи Посполитой второй половины XVI в. приходится пытаться делать на основании списков побора. А. Яблоновский и производил подсчет населения воеводств и поветов Речи Посполитой второй половины XVI в. на основании реестров поборовых. Исчислять население на основании этих реестров очень трудно. Побор вносили с разных объектов: земельных участков (ланы, дымы, огородники первого разряда, огородники второго разряда), мельничных колес, ступ, фольшей, рудень, водочных котлов, торговцев, ремесленников и др. Определить число людей, связанных с каждым из таких объектов, представляет большие трудности. Яблоновский вычисляет сельское население исходя из количества обложенной налогом крестьянской земли. Все земельные наделы крестьян он сводит к ланам; на каждый лан считает 12 чел. земледельческого населения; к ним добавляет на каждый лан по 6 чел. жителей деревни других категорий — огородников, коморников, винокуров, мельников и др., на каждые 5 деревень считает 1 фольварк, в каждом фольварке — по 50 чел.¹⁹ Получается весьма сложная и подозрительной прочности конструкция. В самом деле, возможно ли свести все земельные участки к ланам? Ведь в действительности, скажем, на Волыни, землю на ланы не меряли: там были дворища, в некоторых местах земля перемеривалась на волоки, а зачастую вовсе не измерялась; лан здесь — лишь условная единица, употребляемая при обложении. Затем, если мы даже согласимся с тем, что на одном лане жило в среднем 12 чел., почему к этим 12 нужно прибавлять именно 6? Ведь сельские ремесленники, мельники, рудники и др. могли быть и были одновременно землевладельцами. А при взимании побора взыскивали с одного и того же хозяина отдельно за землю, отдельно за мельницу, отдельно за занятие ремеслом.²⁰ Не считает ли Яблоновский одного и того же хозяина дважды? Далее, почему нужно считать в фольварке в среднем 50 человек? Если поля фольварка обрабатывают крепостные крестьяне, если обслуживающие фольварк гуменные, лановые, пастухи и др. тоже из крепостных, откуда наберется в фольварке в среднем 50 человек? Если предполагать, что в фольварках была «челядь невольная», а была она в немногих фольварках, то опять-таки неясно, почему нужно считать в каждом фольварке в среднем именно 50 человек? Ведь сам Яблоновский установил, что в Каменецком фольварке было 35 человек, в Летичевском — 25, а это крупные фольварки.²¹

¹⁷ Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 42.

¹⁸ Там же, т. I, стр. 106.

¹⁹ A. Jabłonowski. Źródła Dziejowe, t. XIX, str. 54—57. Далее цит.: «Źr. dz».

²⁰ «Volumina legum», t. II, str. 192.

²¹ Źr. dz., t. XIX, str. 54.

Итак, реестры поборовые дают нам объекты, по которым определить число населения весьма трудно. Мало того, они не охватывают значительное количество хозяйств, даже населенных пунктов. В универсале поборовом 1578 г. написано: «новооснованные деревни и города» должны платить этот налог по истечении четырех лет со времени их основания, точно так же «города и деревни погорелые и потерпевшие от войны». ²² Последних должно было быть много, особенно после больших татарских набегов 1577 и 1578 гг. А последующие поборы взимались лишь по квитанциям 1578 г.

Первая половина XVII в. дает нам другой источник, более пригодный для выяснения числа населения. Этим источником являются сведения о сборе нового налога — подымного. Здесь объект обложения один, а не несколько, а расшифровать один объект легче, чем несколько. Правда, расшифровать его не всегда так легко, как иногда кажется с первого взгляда. Публикуя «перепись дымов 1662 г.», автор предисловия пишет: «здесь исследователь найдет точные указания на численный состав населения по отдельным городам, местечкам и селам». ²³ Автор, очевидно, считает термин «дым» вполне ясным. Не думает ли он, что «дым» и «дом» — одно и то же? Это не всегда так. Возьмем, например, сведения о подымном 1668 г. по Летичевскому уезду. Ревизоры подымного указывают, что «подымное должно быть взимаемо с домов двух пеших, да с четырех домов, имеющих кое-какое обзаведение, то-есть с шести домов дым один». ²⁴ Значит, подымное 1668 г. в Летичевском уезде было обложением не только домов, но и хозяйств, принадлежавших владельцам этих домов. Если так, то один дым не всегда будет соответствовать шести домам: в зависимости от зажиточности хозяев могли считать на один дым и больше и меньше шести домов. Так и считали: в Горбашове — домов 14, «определили дымов 4»; «Щодрова... домов 8, дымов 2»; «Поповцы... домов 7, дымов 2» и т. д. ²⁵ Если дым здесь не равен дому, то все же число дымов связано с числом домов. Но дым реестров поборовых — лишь участок земли. ²⁶

Термином «дым» не всегда обозначают один и тот же объект и не всегда подымное дает «точные указания на численный состав населения», не всегда даже ясно, что именно обозначает термин «дым». Лишь при некоторых сборах подымного возможно точно выяснить, что понимали под словом «дым», и возможно выявить такие объекты, на основании которых с приблизительной достоверностью можно определить число населения. К таким сборам подымного принадлежит сбор 1629 г. Тогда подымное было новым налогом, и при его установлении порядок сбора был подробно описан и в законодательных актах и при проведении сбора на практике. Конституция варшавского сейма вального 20 февраля 1629 г. под заголовком «Подымное» описывает этот налог так: «Желая удовлетворить нужду Речи Посполитой в собирании денег на поддержку войны с возможно наименьшим отягощением, устанавливаем, дабы города, местечки наши духовного и шляхетского сословия людей, как и все вообще села платили налог таким образом. В городах главнейших мещане от больших каменных домов должны давать по золотых 3, от меньших по золотых 2, ... а от домиков, какие бывают при городе, по 1/2 золотого; на предместьи также от больших домов шинкарских по

²² «Volumina legum», t. II, str. 192.

²³ Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. III, Предисловие, стр. VIII.

²⁴ Там же, ч. VII, т. II, стр. 525.

²⁵ Там же.

²⁶ Zr. dz., t. XIX, str. 34.

злотых 2, от меньших домиков по $\frac{1}{2}$ злотого... В местечках меньших от больших каменных домов и домов шинкарских по злотых 2, от меньших домиков по $\frac{1}{2}$ злотого. А с местечек, подданные которых, как хлопы, выполняют полевые работы на панов, также с других местечек меньших, которые не занимаются никакой торговлей, также со всех деревень... подданные от каждого дома как большого, так и малого, должны давать по ползлотого. Мельницы, бумажные заведения, кузницы, плавильни и иные все дома, в которых живут люди, должны подлежать тому же налогу и платить по ползлотого». ²⁷ Отсюда ясно видно, что объектом обложения по конституции 1629 г. «о подымном» был дом, более точно — всякое строение, в котором живут люди. Так понимали объект обложения не только при установлении подымного, но и при сборе его. Это видно из аттестаций, в которых владельцы имения дают более детальное, чем это надлежало делать по стереотипной форме, описание подсчета числа дымов. Например, Ело-Малинский в своей аттестации пишет: «Я, Даниил Ело-Малинский,... согласно конституции, принятой в настоящем 1629 году, приказал сосчитать и подытожить во всех моих имениях дома, либо дымы, в каждом селе в отдельности». ²⁸ Отождествляет дымы и дома Бальцер Раецкий. «Я насчитал,— пишет он,— подымья либо дымов в имении моем Волковцах всех халуп 24». ²⁹ Ян Негловский пишет прямо: «подсчитал халупы, то-есть дымы». ³⁰ Александр Вельгорский уверен, что он точно выполняет конституцию, отождествляя дымы с халупами-домами: свою аттестацию он отправляет в грод, «поступая согласно конституции, принятой на сейме вальном варшавском в текущем 1629 году, подсчитав посредством войта и бурмистров гороховских и атаманов дымы либо халупы». ³¹

Итак, списки подымного 1629 г. являются лучшим из известных нам источников для выяснения количества населения Речи Посполитой первой половины XVII в.: во-первых, их легко интерпретировать, во-вторых, объект обложения здесь тесно связан с числом людей — дом теснее связан с числом людей, чем лан, волока, не говоря уже о мельничных колесах, водочных котлах, ступах. Наконец, по сравнению с реестрами побора списки подымного более полно отражают действительность. Побор с хозяйств новопоселенных, погорелых, опустошенных не брали, а подымное брали по закону «со всех деревень, новых осад, воль». ³²

Если подымное является самым лучшим из известных нам источников для определения числа населения того времени, то следует использовать в первую очередь именно его. При этом необходимо установить, насколько сведения подымного о числе жилых построек соответствуют действительности. Мы можем сказать сразу, что эти сведения не преувеличивают действительности. Подымное — налог, и никто не платил с большего числа домов, чем их было в действительности. Сведения эти могут преуменьшать действительность. Что охотники уплатить поменьше были, это ясно. Нужно поэтому уяснить, легко ли это было сделать? Для этого нужно внимательнее рассмотреть порядок взимания налога и организацию контроля правильности подаваемых сведений. Обнаруживается, что агенты государства принимали налог по ведомостям, состав-

²⁷ Киевский центральный архив древних актов (КЦАДА), кн. 2140, л. 214, док. 118.

²⁸ Там же, кн. 2142, л. 20.

²⁹ Там же, л. 39.

³⁰ Там же, л. 49.

³¹ Там же, л. 50.

³² Там же, кн. 2140, л. 216.

ленным самими плательщиками. В конституции записано: «подсчет домов, сколько их есть, написав в форме аттестации, должен представить... в ближайший грод державца либо собственник имения, а слуга, войт..., которого пошлет, должен в гроде присягнуть, что верно соответственно этой аттестации подсчитал». ³³

При уплате подымного так и поступали. В гродских книгах, где записывали взносы подымного, мы находим, во-первых, аттестацию помещика, в которой он сообщает о числе дымов, подсчитанных уполномоченными им людьми, во-вторых, — запись показания, чаще всего «подданного», под присягой о числе дымов в данном имении. Итак, объекты обложения учитывали сами плательщики. При таком способе учета объектов обложения гарантией правильности этого учета могла быть, с одной стороны, совесть плательщика, с другой — хорошо поставленный контроль. Совесть плательщика налога ненадежна, особенно плательщиков налогов Речи Посполитой, а контроль производить было некому и некогда. По конституции 1629 г. сбор подымного должен был быть произведен в воеводствах, находившихся под присудом Петроковского трибунала, с 1 июня до 1 сентября. Для тех времен это срок короткий. Мог ли поборца (сборщик) в этот срок собрать сведения, собрать деньги и еще проверить сотни населенных пунктов? Ясно, что нет. Кроме того, у него не было аппарата, чтобы проверить представленные ему сведения. Наконец, стоило ли поборце ссориться с вельможными? В конституции говорится об ответственности за правильность сведений, но следов привлечения кого бы то ни было за неправильное показание числа дымов я, просматривая актовые книги за ряд последующих годов, не встречал. При таких порядках уклонения от уплаты налога не могло не быть. Оно и было, причем уклонение было массовым. На следующем сейме, в ноябре 1629 г., сочли необходимым принять специальное постановление об уклонявшихся от платы подымного и записали: «есть такие, которые дали не полную аттестацию, в грод», т. е. укрыли некоторое количество домов, а есть и такие, которые укрыли целые населенные пункты, «не дали аттестаций подымного с местечек, сел, новых осад, вошь». ³⁴

Постановление сейма предлагает этим неплательщикам «исправиться», устанавливает срок исправления аттестаций и дополнительной уплаты, угрожая тем, кто не будет «исправляться», суровым наказанием. «Исправились» многие — в актовых книгах записано немало дополнительных аттестаций, но у нас нет гарантий, что «исправились» все, а тем более полностью. Таким образом, мы можем уверенно сказать, что показанное в списках подымного число дымов — ниже действительного.

Имея в своем распоряжении число жилых строений, мы можем попытаться высчитать количество населения. Допустим, что в одном доме жила одна семья. Это предположение не будет преувеличением действительного числа людей. В те времена несемейных хозяев и в деревне и в городе можно было встретить очень редко. Если и бывали случаи, когда в доме жил хозяин без семьи, то их целиком перекрывают случаи, когда в доме жила не одна семья. В особенности в городах, да еще больших домах, обычно жило несколько семейств.

Сколько же считать в семье людей? Исследователи населения средневековой Европы, определяя на основании данных о числе семейств число населения, расходятся в мнениях о том, сколько в среднем могло быть лиц в одной семье: одни считают 4.25, другие — 4.5, третьи — 5

³³ Там же.

³⁴ «Volumina legum», t. III, str. 311.

(Белох, Ковалевский, Мейтлэнд), четвертые — 6. Исследователи населения Польши и Украины тоже расходятся в определении среднего числа лиц в семье XVI—XVII вв. Владимирский-Буданов считает в семье в среднем 5 чел.³⁵ Яблоновский, учитывая «известную многосемейность южного крестьянина», считает в семье в среднем 6 чел.³⁶ Последняя цифра мне кажется наиболее вероятной. Население в те времена, пусть медленно, но росло. Если мы будем считать в среднем по 4 с небольшим человека на семью — отца, мать, двух детей, зачастую бабушку либо бабушку, — то прироста не будет. Нам известны колоссальные опустошения в этих областях, нанесенные эпидемиями, войнами и татарскими набегами. Если при этих опустошениях население все же увеличивалось, то нужно предположить в семьях того времени большое количество детей; если мы предположим большое количество детей, то наиболее вероятной будет для семьи средняя цифра в 6 чел. Конечно, в тех местностях, где недавно была эпидемия, либо татарский погром, могло остаться в семье в среднем и меньше, но в период, предшествовавший 1629 г., нам такие большие опустошения неизвестны.

III

Итак, если мы не имеем более или менее удовлетворяющих нас сведений о числе населения XVI в., то мы можем иметь до некоторой степени полное представление о числе населения первой четверти XVII в. А изучение заселения начала XVII в. может пролить некоторый свет на заселение этой же территории в XVI в.

Начну с западной части «украинных земель» Польско-Литовского государства — с воеводства Брацлавского. Тарифы подымного этого воеводства в основном сохранились и опубликованы Владимирским-Будановым.³⁷ Чтобы вполне выяснить заселенность Брацлавского воеводства, нужно произвести специальное исследование: разобрать и анализировать детально не только этот материал, а найти и привлечь значительное количество дополнительного материала. Но даже предварительное изучение опубликованного Владимирским-Будановым материала дает выводы, на основании которых можно сказать, что в 1629 г. Брацлавское воеводство имеет многочисленное население. Возьмем несколько волостей по течению Южного Буга. Начнем с Винницы и будем двигаться к югу в районы, считающиеся в XVI в. пустынными. Беру Винницкое староство по карте Яблоновского.³⁸ В Виннице в списках подымного показано 787 домов, в Хижинцах — 110, Скуржинцах — 23, Тютках — 35, Луке — 80, Вишеньках — 16,³⁹ всего 1051 дом. Но это не все. Нет сведений о существовавших еще в XVI в. селах Соломиевке, Цвежине, Юзвинцах, Медвежьем Ушке. В распоряжении Владимирского-Буданова были ведь неполные списки подымного. По карте Яблоновского территория Винницкого староства имеет максимум 400 км². В 1051 доме, считая по 6 чел. на дом, было 6306 жителей. Значит, в этом районе жило минимум 16 чел. на 1 км². Мы имеем более полные сведения с Немировской волости: «с города Немирова и сел его» уплачено налога за 2294 дыма.⁴⁰ По карте Яблоновского в Немировском ключе было

³⁵ Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, Предисловие, стр. 33.

³⁶ *Zr. dz.*, t. XIX, str. 34.

³⁷ Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II.

³⁸ *Atlas historyczny Rzeczy Pospolitej Polskiej «Ziemie Ruskie».*

³⁹ Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 397, 404, 406, 407.

⁴⁰ Там же, стр. 402.

максимум 500 км². Считая вновь по 6 чел. на дом, мы имеем здесь 13 764 чел., или минимум 27 чел. на 1 км². Переходим Брацлав. Сравнительно полные сведения мы имеем о населении ключа Ладыжинского. Гор. Ладыжин и деревни этого ключа внесли налог с 1294 дымов; кроме того, оплатили отдельно с Бубновки 123 дыма; местечко Соколец и село Кузьминцы — 341 дым,⁴¹ всего 1758 дымов. Считая в доме 6 чел., насчитаем 10 548 чел. Территория ключа — около 400 км², на 1 км² приходится минимум 26 жителей. Перейдем к восточной части воеводства. «С города Погребищ и со всей волости к нему принадлежащей» внесен налог за 7514 дымов.⁴² В волости, значит, было около 45 000 чел. Площадь волости — максимум 720 км². На 1 км² приходится, следовательно, 62 жителя. Берем Животовскую волость. Уплачено подымного с Животова за 1689 дымов, возможно, вместе с селами; кроме того, с Ситковец заплатили за 102 дыма.⁴³ Всего уплатили за 1791 дым. Жителей в волости — 10 746, площадь волости — около 360 км². На 1 км² приходится 29—30 жителей. Южнее расположен Балабановский район: Балабановка и Лукашовка заплатили за 1006 дымов, Юшковцы — за 20 дымов,⁴⁴ всего 1026 дымов. Жителей — 6156, площадь — около 240 км². На 1 км² приходится около 25 жителей. Подсчитать число населения многих ключей Брацлавского воеводства не только пока трудно, но зачастую на основании неполных списков подымного и невозможно. Все же сведения, имеющиеся в нашем распоряжении, говорят о том, что приведенные участки территории не были исключением по густоте населения. Заселена густо вся Брацлавщина. Возьмем течение притока Буга — р. Соб. Вдоль реки один за другим идут крупные населенные пункты. Перечисляю только города: в верховьях реки г. Зожов — 240 домов, ниже г. Липовец — 1100 домов, ниже г. Глинцы с Улановкой — 620 домов, далее г. Кальник — 654 дома, г. Дащев — 536 домов, г. Гайсин — 137 домов.⁴⁵ Река Соб протекает в центральной части Брацлавского воеводства. Перейдем на юг воеводства. Возьмем реку Бернадинку — Бершадь, приток Буга: в верховьях ее г. Куниче — 195 домов, ниже г. Козинцы — 271 дом, ниже г. Балановка — 361 дом, еще ниже г. Бершадь — 275 домов, наконец, Устье Бершади — 120 домов.⁴⁶

Густо заселена в первой половине XVII в. и южная половина Киевского воеводства. Я беру часть его, лежащую к югу и юго-востоку от Киева, которую считают совершенно запустевшей в XVI в. Начну с территории левого берега Днепра. В 1629 г. Барышпольская волость — Барышполь, Требухов, Дударов, хутор Старица, Иванков, Глубокое — уплатили за 992 дыма.⁴⁷ Площадь волости — около 500 км²; жителей 5952. На 1 км² приходится около 12 жителей. Пшездзецкий в Черноостровском архиве нашел и опубликовал список «хозяев оседлых», «поданных князя Еремии Вишневецкого», его левобережных (заднепрских) имений.⁴⁸ В этом списке упомянуты лишь крупные населенные пункты, вероятно, — центры волостей, ключей. Число хозяев, указанное в этом

⁴¹ Там же, стр. 400, 402.

⁴² Там же, стр. 405.

⁴³ Там же, стр. 401, 403.

⁴⁴ Там же, стр. 403.

⁴⁵ Там же, стр. 398, 399, 400, 402, 407, 410.

⁴⁶ Там же, стр. 399, 400, 401, 404, 405.

⁴⁷ КЦАДА, кн. 15 (кн. 15 разбита, сохранились отдельные пронумерованные листы).

⁴⁸ Podole, Wołyń, Ukraina, Obrazy miejsc i czasów przez A. Przewdzieckiego, Wilno, 1841, str. 41—44.

списке, очевидно — число хозяев всей волости, а не упомянутого в списке населенного пункта, ибо, во-первых, здесь упомянуты не все бывшие тогда поселения (на карте Боплана обозначено много деревень, которых в списке Пшездзецкого нет); во-вторых, поселения такой величины, да еще в большом количестве в те времена невероятны, например, Ромны — 6000 хозяев, или тысяч 36 жителей; Лохвица — 3325 хозяев (19 950 жителей); Лубны — 2646 хозяев (15 876 жителей); Варва — 2037 хозяев (12 222 жителей) и т. д.; в-третьих, совершенно невероятно сосредоточение в одном городе такого большого количества мельничных колес, скажем, в Лубнах — 40, Пирятине — 38, Прилуках — 36, Лохвице — 35; в-четвертых, в 1629 г. подымное уплатили Лубны от 882 дымов, Лохвица — 464.⁴⁹ По карте Яблоновского площадь Лубенской волости равнялась приблизительно 1560 км². В списке обозначено: Лубны — 2646 хозяев, на территории той же волости Многа (Городище) — 285 хозяев, всего 2931 хозяин. Всего в волости выходит 17 586 жителей, а на 1 км² — 11 жителей. Для «совершенно пустынного» за 80 лет до этого района — немало. Возьмем севернее Лубен Лохвицкие районы. В Лохвице хозяев записано 3325, в Песках — 349, в Сенче — 1403, в Воронках — 145, в Чернухах — 944, в Снятинке — 436; всего 6602 хозяина, или 39 612 жителей. Площадь максимально 2500 км², на 1 км², стало быть, получается приблизительно по 16 жителей. На запад идут Пирятинские и Прилукские районы: в Пирятине 1749 хозяев, в Журавке — 474, в Белошапках — 374, в Куренках — 346, в Варве — 2037, в Переволочной — 426, в Прилуке — 366, в Ичне — 1494, в Манастырище — 939, всего 8205 хозяев, или 49 230 жителей. Площадь — максимум 4000 км²; на 1 км² приходится более 12 чел. В Роменской волости записано: в Ромнах 6000 хозяев, т. е. 36 000 жителей. В небольшой Хорольской волости — 1297 хозяев (7782 жителя). Даже в близкой к южной границе Полтавской волости — 812 хозяев.

Заднепровье в первой половине XVII в. имеет многочисленное население и густо заселено. Густо заселен и правый берег Днепра к югу от Киева до Чигирина. Начнем с севера. Небольшая волость Гуляницкая (Мотовиловская) в 1629 г. внесла подымное за 464 дыма: Гуляники (Мотовиловка) — за 350 дымов, слобода Гуляницкая — за 50, Султановка — за 64.⁵⁰ Площадь волости — максимум 170 км², жителей — 2784. На 1 км² приходится приблизительно 16 жителей. Волость Ржищевская и Ходоровская в 1629 г. внесла за 773 дыма.⁵¹ Площадь — максимум 320 км²; жителей в 773 домах — 4638. На 1 км² приходится 14.5 жителей. Густо заселено Каневское староство. Люстрация 1622 г., кроме г. Канева, отметила деревни этого староства — Бобрищу, Глинче, Чернице, Дударри, Грушевку, Медведовку, Македоны, Пруцкое, Чапли, Куриловку, Литвиновку, Бабици, Ржавец, Хмельное, а за Днепром — Келиберду, Лепляву, Прохоровку да еще села, «которые казаки держат»: Пекари, Костенец, два Тростянца, Решотки, Биркозово, Вырганы, Чабановка, Крышин, Райтков, Селище, всего 31 поселение (один город и 30 сел).⁵² В окрестности Богуслава были почти все населенные пункты, существующие в начале XX в. В 1629 г. уплатили подымное: г. Богуслав с 319 дымов, с. Москаленки — с 10 дымов, два Ольховца — с 37, Семигоры — с 20, Яхны — с 12, Гули — с 20, Корондинцы — с 32, Туники — с 31,⁵³ всего —

⁴⁹ КЦАДА, кн. 15.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Там же.

⁵² Zr. dz., t. V, str. 130—131.

⁵³ КЦАДА, кн. 15.

481 дым, или 2886 жителей. Площадь — максимум 240 км²; на 1 км² приходится 12 жителей. К югу от Канева, близко возле Черкас — волость Мошны. В списке Пшездзецкого записано: Мошны — 1400 хозяйств, т. е., по нашему расчету, 8400 жителей. Площадь волости — максимум 500 км²; на 1 км² приходится около 17 чел. Многочисленное население было в старостве Черкасском. Люстратор мимоходом записывает некоторые данные о населении этого староста. В г. Черкасах он отмечает «мещан послушных» 120, а «домов казацких непослушных в городе и хуторах более 1000». В г. Боровице «домов послушных» — 70, в г. Иркие — «домов послушных» 50, а «непослушных казацких свыше 400», в г. Кропивно — «домов послушных» 60, а «казацких непослушных свыше 200». Люстратор записал и «деревни либо хутора»: Дунинов, Нечуев, Сульского, Харковица, Хацько (теперь Хацьки), Каратул, Белозеро, Дуберов, Русская поляна Большая и Маленькая; а за Днпром — Липовское, Зелисково, Попово, Тараново, Мутышино, Пищиково; да 2 «слободы» Богушовка и Константинов,⁵⁴ всего 4 города и 18 деревень. Значительные поселения были и к югу от Черкас — Корсуня: в 1629 г. оплатили: Звенигородка 100 дымов, Кальниболото — 80, Ольшанка — 220, Медведовка — 40, Крылов — 18, Чигирин — 50, Переволочна — 61.⁵⁵ Нужно учесть, что в этих южных районах было особенно много уклонившихся от уплаты налога.

О большом числе населения, а также о значительном развитии хозяйства на юге Киевского воеводства свидетельствует наличие значительного числа больших городов. В 1629 г. оплатили налог: Ставище (Любомир) с 1200 дымов, Паволоч — с 754, Белая Церковь — с 747, Котельня — с 633, Васильков — с 500, Вчорайше — с 409. Много больших городов и за Днпром: в 1629 г. оплачено в Лубнах 882 дыма, в Пирятине — 705, в Прилуках — 690, в Лохвице — 464, в Сенце — 416, в Хоролле — 350.⁵⁶

Итак, «украинные земли» Речи Посполитой, которые принято считать в середине XVI в. пустыней, в первой половине XVII в. заселены густо. Брацлавское воеводство заселено, по видимому, более густо. Если мы будем считать, что в 1629 г. здесь жило в среднем по 16 человек на 1 км², то эта цифра не будет преувеличенной. Возможно, в южной части воеводства число жителей на 1 км² было меньше, но в северной и в центральной частях жило больше 20 чел. Киевское воеводство заселено, кажется, менее густо. Беру в среднем 11 чел. на 1 км² — минимальную цифру густоты населения владений Вишневецкого. Возможно, что на крайнем юге и юго-востоке — в районах Ворсклы, Чигирин — было меньше жителей на 1 км², но к северу было больше, чем 11.

В 1629 г. на «украинных землях» жило очень много людей. Яблоновский измерил территорию «украинных земель». В уездах Житомирском и Киевском, которые, по мнению исследователей, представляли в XVI в. пустыню, Яблоновский считает 2254 квадратные мили, в Брацлавском воеводстве — 628 квадратных миль.⁵⁷ Квадратная миля Яблоновского равна приблизительно 56 км². Получается, что площадь Брацлавского воеводства равнялась 35 168 км², а площадь южной части Киевского воеводства — 126 224 км². Если считать в среднем в Брацлавском воеводстве по 16 чел. на 1 км², а в южных уездах Киевского — 11, то во второй четверти XVII в. в Брацлавском воеводстве жило более 550 тыс.

⁵⁴ *Źr. dz.*, t. V, str. 134—135.

⁵⁵ КЦАДА, кн. 15.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ *Źr. dz.*, t. XX, str. 33.

(562 688), а в южных уездах Киевского — около 1400 тыс. чел. В «пустынных» в XVI в. «украинных землях» во второй четверти XVII в. жило около двух миллионов человек.⁵⁸

Цифры большие, но реальные. Что наш подсчет не завышает действительное число, показывает, во-первых, анализ опубликованных списков подымного Брацлавского воеводства. Списки опубликованы не полностью и с пропусками. На стр. 395 отмечено:⁵⁹ «здесь (hoc loco) нехватает, неизвестно, одного или более листов». В середине текста есть отметка об итоговой сумме взноса: «in summa» злотых 31 288 грошей 8.⁶⁰ Мы знаем, что от дыма платили ползлотого (15 грошей). Значит, оплачено 62 576 дымов. Дальше запись продолжается: внесено еще за 11 132 дыма. На этом запись обрывается, и следует приписка: «и уже больше этого списка не находится, ибо конца его нет».⁶¹ А нехватает очень и очень многих поселений. По этому весьма неполному списку оплачено 73 708 дымов. Весьма неполный список дает в Брацлавском воеводстве 422 248 жителей. Во-вторых, из осторожности нами взяты минимальные цифры: в Брацлавском воеводстве берется явно преуменьшенная цифра населения Винницкой области, в Киевском — наименьшая цифра густоты населения заднепровских волостей Вишневецкого. Далее, показания налоговых списков всегда преуменьшают число единиц, подлежащих обложению, а в Речи Посполитой особенно. Ко всему этому надо добавить, что, кроме податного населения, были лица, налога не платившие. Не надо забывать, что в списке «подданных» кн. Вишневецкого записаны только «подданные оседлые», были же и неоседлые, были и не крепостные. Наконец, необходимо учесть, что люди жили и к югу от Чигирина, жили на Ингулах, в районе порогов и на Запорожье.

Если считать «украинные земли» в середине XVI в. пустынными, а жителей этих земель новопоселившимися, то нужно допустить, что на протяжении 70—80 лет сюда переселилось около 2 млн. чел. Такое допущение будет невероятным. Население, живущее на этой территории, говорит на украинском языке, здесь этот язык господствует. Лишь шляхтичи и высшие служащие, и то не все, говорят на польском языке, но это ведь не масса населения. Если бы население здесь состояло из переселенцев, то в массе переселенцев из северных областей Украины, конечно, были и переселенцы из Белоруссии, Великороссии, Польши, даже Литвы, но их явно был сравнительно незначительный процент среди местного населения. До сих пор ведь не замечено их большого влияния на развитие языка Брацлавщины, Среднего Приднепровья, в отличие от языка Подолии, Волыни и киевских районов. Даже Яблоновский при всем желании найти заслуги «польского элемента» в заселении Украины, исследуя акты Люблинского трибунала и выясняя районы, из которых бежали «подданные» в Заднепровье, принужден был признать, что «новопоселенцев доставляла прежде всего правобережная Украина». В своей работе «Zadnieprze» он перечисляет районы и поселения, из которых прибывали беглецы в Заднепровье. Просматривая эти районы и поселения, мы видим, что за редкими исключениями беглецы прибывали в Заднепровье из Украины. Этими редкими исключениями были несколько беглецов из Юревич, Точилович и Вербкович Мозырского уезда.⁶²

⁵⁸ Если считать в среднем в семье не 6, а 5 чел., то количество населения составляло 1 666 000 чел.

⁵⁹ Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II.

⁶⁰ Там же, стр. 408.

⁶¹ Там же, стр. 412.

⁶² A. Jabłonowski. Pisma, t. III, str. 27—29.

Если подавляющее число переселенцев было из северной Украины, то возникает вопрос: могла ли северная Украина в XVI—XVII вв. на протяжении 80 лет выделить около 2 млн. переселенцев? Думаю, что не могла.

Какие северные области Украины могли дать переселенцев? Оставим в стороне воеводство Подольское, восточную часть которого принято считать тоже областью колонизируемой. Остаются воеводства Русское, земля Холмская и Белзская, воеводство Волыньское, полесские районы воеводства Киевского — Овручский уезд, Черниговские районы к северу от Десны и Сейма. Сколько в середине XVI в. должно было быть там жителей, чтобы оттуда могло выйти около 2 млн. чел.? Нам известно, что в Волыньском воеводстве в 1629 г. было около 655 тыс. жителей (около 15—16 чел. на 1 км²).⁶³ Есть ли основания считать окрестности Львова, Галича, Самбора, Холма, Белза, Овруча, Чернигова, Новгорода-Северского более густо заселенными? Думаю, что нет. Правда, существует убеждение, что в XVI в. в местностях горных, болотистых, лесистых было больше людей, так как там легче было укрываться при набегах татар, чем в черноземных — открытых. Описывая Волыньское воеводство XVI в., Яблоновский так формулирует это господствующее мнение: «Большая, чем где бы то ни было, безопасность от татар, обилие пастбищ, зверя, рыбы, пасек, более богатые, чем где в другом месте рудни — все это вместе сосредотачивало здесь население более, чем, быть может, привлекательность более плодородной земли в местностях открытых». Он утверждает, что «в те времена не могло быть подобной разницы в степени заселения Полесья и Волыни, которая должна была наступить позднее с развитием полевого хозяйства».⁶⁴ Но в этом утверждении сразу же бросается в глаза его невероятность. Могло ли большое количество людей на небольшой территории прокормить себя охотой, рыболовством, бортничеством при малом развитии земледелия и еще меньшем развитии промышленности? Анализируя заселенность Волыньского воеводства в 1629 г., мы видим, что в северных — полесских районах, в зонах моренной и зандровой жила около 10.6 чел. на 1 км², а в черноземной части, лёссовой зоне — 20.4 чел.⁶⁵ Очевидно, население не особенно предпочитало «безопасность» лесов, обилие зверя и рыбы песчано-болотистых мест урожайности черноземной земли, хотя бы эта земля и находилась «в местностях открытых». Поэтому предполагать большую густоту населения в «Червонной Руси», а также Киевском и Черниговском Полесье, чем на Волыни, не вижу оснований. Не надо забывать, что и в воеводстве Русском не мало черноземных, открытых мест. Площадь Червонной Руси — воеводства Русского, земель Холмской и Белзской, по измерению Яблоновского, равна 1225.4 кв. миль,⁶⁶ т. е. около 67 397 км². Считая в среднем по 16 чел. на 1 км², можем предположить, что в 1629 г. в Червонной Руси жило около 1 100 000 чел. Трудно допустить, чтобы в воеводстве Черниговском и северной части воеводства Киевского вместе взятых было в 1629 г. больше людей, чем в Волыньском воеводстве, т. е. около 650 тыс. Значит, в северной части Украины в 1629 г. жило около 2 400 000 чел.; в северных областях Украины в 1629 г. живет немногим больше людей, чем в южных.

⁶³ А. И. Баранович. Залюднення України перед Хмельниччиною. Волинське воеводство, Киев, 1931, стр. 19.

⁶⁴ A. Jabłonowski. Pisma, t. IV, str. 180.

⁶⁵ А. И. Баранович. Указ. соч., стр. 20—21.

⁶⁶ A. Jabłonowski. Pisma, t. IV, str. 484.

Темпы роста населения в феодальную эпоху невелики. Максимальный прирост населения в XVI—XVII вв. за столетие по отдельным странам считают 25—30%, в среднем по Европе — 13—16%. В странах, в которых происходили войны, считают и того меньше. Прирост населения Франции за XVI в. исчисляют в 10%. Украина во второй половине XVI в. и в начале XVII в. претерпела ряд опустошительных татарских набегов (припомним только прандиозные набеги 1567 г.,⁶⁷ 1577 и 1578 г.,⁶⁸ 1593 г., 1618 г.). Каковы были эти опустошения, показывает опустошение татарами в 1593 г. Староконстантиновской и Остропольской волостей.⁶⁹ В 1593 г. в Староконстантиновской волости опустошено татарами 67 сел, взято в полон 11 110 чел. В Остропольской волости было сожжено 23 деревни и взято в плен 3241 чел. Большие опустошения приносили кампании Речи Посполитой при подавлении народных восстаний Коссинского, Наливайка, во время похода 1625 г. и др. Много народа погибло во время польской интервенции в Московском царстве, в Ливонской войне, в походах на Крым и побережье Черного моря, в войнах с Турцией. Трудно сказать, меньше ли претерпела опустошений Украина во второй половине XVI и в начале XVII в., чем Франция во время религиозных войн; один татарский набег стоит нескольких лет опустошительной войны. Поэтому допускать, что на Украине во второй половине XVI и первой половине XVII в. прирост населения был выше среднего прироста населения в Европе, нет оснований. Допустим, что Украина в XVI—XVII вв. терпела меньше опустошений, чем Франция XVI в.; допустим, что прирост населения на Украине на протяжении исследуемых нами 80 лет равен приросту населения Франции за 100 лет XVI в., т. е. составляет 10%. При таком допущении из наличного в 1629 г. числа населения на Украине прирост к числу населения Украины 1550 г. будет равен $\frac{1}{11}$.

Если допустить, что все население «украинных земель» составляли переселенцы с севера Украины, то нужно признать, что переселение на «пустынный» юг должно было поглотить не только весь прирост, но и около 40% бывшего в середине XVI в. на севере Украины населения. Уход 40% населения должен был дать большое уменьшение числа жителей в городах и деревнях северной Украины, возможно, даже уменьшение и числа населенных пунктов.

На Волыни этого не видно, а нет оснований предполагать, что Волынь в этом отношении была исключением среди северных областей Украины. Число населенных пунктов Волыни, указанное в тарифах подымного 1629 г., больше числа известных нам населенных пунктов XVI в. Во второй половине XVI в. на Волыни возникают новые города, например Берестечко, Староконстантинов, Острополь, Базалия. В этих городах быстро растет население. Катастрофического уменьшения числа жителей тоже не видно. Для выяснения числа жителей XVI в. я не берусь использовать реестры побора XVI в. Выше было указано, что использовать их для этой цели очень рискованно, а попытка Яблоновского дала неудовлетворительные результаты: основания его подсчетов непрочны и результаты невероятны. Он насчитал в Волынском воеводстве 293 780 жителей,⁷⁰ цифру, сильно преуменьшающую действительность. Если в 1629 г. в этом воеводстве было больше 655 тыс. чел., то

⁶⁷ Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, стр. 380—383.

⁶⁸ *Zg. dz.*, t. IV, str. 139.

⁶⁹ КЦАДА, Кременецкие ящики (разбросанные, отдельные листы).

⁷⁰ A. Jabłonowski. *Pisma*, t. IV, str. 169.

выходит, что прирост населения с 1578 по 1629 г., за 50 лет, составил более 100%.

Более достоверным и ясным источником для выяснения числа населения XVI в. являются люстрации. Нам известны люстрации Луцкого и Кременецкого староств. Начну с городов. Люстратор 1563 г. в г. Кременце записал 1000 домов,⁷¹ в 1629 г. подымное уплачено за 1224 дома;⁷² число домов в Кременце не уменьшалось, а увеличивалось. Не видно уменьшения числа домов и в Луцке. В 1552 г. люстратор записал в этом городе дворов и домов — панских 55, мещанских — 91, церковных — 31, евреев караимов 26, евреев раввинских 26, всего — 229.⁷³ Допустим, что дом и двор не совпадают, что в дворах было в среднем по 2 дома; тогда получится 458 домов. В 1629 г. уплачено подымное за 546 дымов.⁷⁴

Трудно выяснить число домов в селах. В люстрациях записаны дворыща и дымы. Сколько в указанных дворыщах было дымов, в люстрации отмечено, а сколько в дыме могло быть домов — неизвестно. Мог быть один дом, могло быть два, могло изредка быть и больше. Некоторые косвенные указания о числе домов в дыме мы имеем в инвентаре 1570 г. сел Носачевич и Петрашевич Луцкого уезда. В Носачевичах 2 дворыща, а дымов 6: 1) Хведина с Хилимоном дым, 2) Яцко боярин дым, 3) Антон с Иванцем дым, 4) Юско дым, 5) Иванец Федкович дым, 6) Сенко дым. В Петрашевичах одно дворыще, а дымов два: 1) Игнат дым, 2) Кузьма с Куцыною дым.⁷⁵ Итак, в одном дыме мы видим одного, двух хозяев, вероятно, один-два дома. Допустим даже, что в каждом дыме было по два дома. Сопоставим число домов середины XVI в. с числом домов 1629 г. по люстрации Луцкого староства 1552 г.⁷⁶ и списку подымного 1629 г.⁷⁷

Села	1552 г.		1629 г. дома	Примечания
	дымы	дома		
Гнидава ^а	21	42—44	50	^а В люстрации 1552 г.—14 чел. челяди невольной; считаю 2 дома
Своз	4	8	24	^б Для 1629 г. беру лишь часть королевскую
Кольчин	26	52	48 ^б	
Радомышль	38	76	126	^в В люстрации 1552 г. 4 дыма и 2 огородника
Сухая воля	19	38		
Красне	4+2	10 ^в	32	
Голешов	6	12	17	
Итого		240	297	

Уменьшения числа населения за 80 лет не видно. Сохранился инвентарь имений кн. Масальского в Луцком уезде, со-

⁷¹ Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 126.
⁷² А. И. Баранович. Указ. соч., стр. 125.
⁷³ Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 174—177.
⁷⁴ А. И. Баранович. Указ. соч., стр. 127.
⁷⁵ Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 382.
⁷⁶ Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 177—182.
⁷⁷ А. И. Баранович. Указ. соч., стр. 30, 135.

ставленный в 1570 г.⁷⁸ Сравним число домов в этих имениях в 1570 г. с числом домов по спискам подымного 1629 г.⁷⁹

Села	1552 г.		1629 г. дома	Примечания
	дымы	дома		
Ботин	9 ^а	18—22	25	а Записано хозяев 10
Суско	33	66 ^б	61—43 ^в	б Записано хозяев 32 в Часть Харлезского — 43 дома
Бодачев	9	18 ^г	10	г Записано хозяев 12
Носачевичи	6	12 ^д	7	д Записано хозяев 8
Петрашевичи	2	4 ^е	2	е Записано хозяев 3
Олешковичи	5	10 ^ж	9	ж Записано хозяев 6
Смердин	8	16 ^з	27—11 ^и	з Записано хозяев 12 и Часть Харлезского — 11 домов
Итого		148	141—107	Записано хозяев с огородниками 105

Число домов 1570 г., возможно, преувеличено, в инвентаре записано 105 хозяев, домов же мы считаем 148. Число домов 1629 г., вероятнее всего, преуменьшено: прежде всего подымное обычно дает преуменьшенное число домов, поскольку паны старались недоплатить налог;

Села	1552 г.		1629 г. дома	Примечания
	дымы	дома		
Кокорев	24	64 ^а	34	а Дымов 24, огородник 1, челядь невольная 14 чел., 3 слуги путных ⁸⁰
Дворец	32	77 ^б	46	б Дымов 32, огородников 5, 2 путных слуги
Дунаев	32	70 ^в	43	в 2 дыма слуг путных, огородников 6
Рудка	22	50 ^г	44	г Огородников 6
Сапанов	22	54 ^д	48	д Огородников 10
Куликов	9	22 ^е	32	е Огородников 4
Колосова	17	50 ^ж	18	ж Огородников 10, слуг 2
Цеценевка	31	62	42	
Шпиколосы	32	71 ^з	89	з Огородников 3, слуга 1
Тетьльковцы	19	43 ^и	77	и Огородников 5
Жолобы	19	58 ^к	73	к Слуг 4
Подлесцы	29	58	67	
Горинка	30	62 ^л	100	л Огородников 2
Пляшьева	32	63 ^м	6 ^м	м Огородник 1
Итого		804	781 ⁸¹	

⁷⁸ Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, ч. II, стр. 381—382.

⁷⁹ А. И. Баранович. Указ. соч., стр. 56, 115, 116, 130, 132, 136.

⁸⁰ Считаю «слуг путных» хорошо обеспеченными: предполагаю, что каждый слуга имел дворце — в среднем в этой местности 2 дыма составляют 4 дома.

⁸¹ А. И. Баранович. Указ. соч., стр. 90, 124, 126, 119.

во-вторых, как указано выше, мы берем в 1629 г. лишь части Суско и Смердина, допуская, хотя и не имеем для этого оснований, что и в 1570 г. кн. Масальскому принадлежали тоже лишь части этих сел. Уменьшение числа населения за 69 лет возможно, но не на 35—40%. Ведь даже при этом подсчете, в котором цифры 1570 г. завышаются, а цифры 1629 г. занижаются, убыль населения равна лишь 27%.

Возьмем люстрацию Кременецкого староства 1552 г.⁸² (см. вторую таблицу на стр. 214).

Убыль населения возможна, но вновь, при завышенном подсчете числа населения 1552 г. и заниженном 1629 г., убыль населения составит максимум 2—3%, а не 40%.

Остается предположить, что не все население «украинных земель» в 1629 г. состоит из переселенцев с севера Украины. Не отрицая значительного количества переселенцев, мы должны предположить в составе населения этой территории громадное ядро местного населения, потомков людей, живших здесь в середине XVI в. Итак, мы должны предположить наличие на этой территории в первой половине XVI в. значительного населения.

На каком же основании, в самом деле, ее принято считать пустынной? Как было указано, наиболее глубоко и внимательно обследовал эту территорию Владимирский-Буданов. К выводу о пустынности ее он пришел в результате изучения люстраций королевских имений 1545 и 1552 гг. Владимирский-Буданов признает, что люстрации королевских имений охватывают лишь часть поселений, которая «с течением времени (с прогрессивным уменьшением королевских имений) становится все менее значительной».⁸³ Но, по его мнению, люстрации охватывают лишь часть поселений только со второй половины XVI в., а до этого времени они описывали все поселения. «Во времена более древние Литовско-Русского государства,— пишет он,— когда все частные землевладельцы (князья, паны, земляне и бояре) получали имения на условиях права военной и других служб, люстрации должны были касаться (и касались) и этих земель. Но с полным торжеством шляхетства (после Люблинской унии) признано было основным началом, что люстрирование шляхетских имений есть нарушение коренных прав высшего сословия, есть как бы покушение обратить их вновь в имущества служебные».⁸⁴ Люстрации 1545 и 1552 гг. «украинных замков» были до Люблинской унии. Очевидно, они «должны были касаться (и касались)» и панских земель, поскольку на основании их Владимирский-Буданов считает возможным произвести подсчет всего населения «украинных земель». Владимирский-Буданов указывает на противодействие панов и шляхты Волыни и Украины намерениям люстраторов описать их имения с целью привлечения к замковым повинностям, но считает, что «труд» люстраторов замков в 1545 г. был «совершен с успехом, несмотря на противодействие со стороны высших классов Волыни и Украины».⁸⁵

Вот именно в том, что люстрирование было выполнено с успехом, мы имеем основания сомневаться. Попытка люстратора Тышкевича произвести люстрацию имений шляхты Волыни провалилась. Крупнейшие магнаты Волыни, «презревши приказание господарское», не явились. Игнорировали вызов люстратора кн. Острожский, кн. Ильиня Острож-

⁸² Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 32—35.

⁸³ Там же, Предисловие, стр. 22.

⁸⁴ Там же.

⁸⁵ Там же, стр. 29.

ская, кн. Заславский, кн. Вишневецкие, кн. Збаражские. Люстратор добавляет: «немало было и других князей, панов и земян простых об именах которых мы разузнать не смогли». ⁸⁶ Явились по вызову люстратора 162 помещика, ⁸⁷ которые заявили, что покажут документы на имения лишь в том случае, если будут предъявлять документы на имения и земли Киевская, Полоцкая, Витебская, Самогитская, все уезды Подляшские. Переписать «подданных» они считали невозможным: «Ныне,— заявили они,— мы впишем кого-либо в число своих людей, а завтра его уже не будет: живем на границе, люди наши уходят за польскую границу и расходятся по волям княжеским и панским, какие есть здесь на Волыни». ⁸⁸ Несмотря на свои настояния, люстратор так ничего и не добился от явившихся панов и земян. ⁸⁹ Так попытка переписать имения князей, панов и земян Волыни кончилась полной неудачей. В люстрациях Волыни описаны только королевские имения.

Уклонились от люстрации своих имений и паны Винницкого уезда. В 1552 г. явилось на вызов люстратора всего лишь 8 помещиков, все мелкие. Они дали сведения о 18 селах уезда. Семен Кмитич дал сведения о двух селах, из которых одно — Литин — явно королевское имение. Владельцу королевщины не явиться было нельзя, иначе королевщину отняли бы. Миско Пятничанский показал 2 села. Он мог люстраторов не бояться: у него была королевская грамота на имения. ⁹⁰ Кроме этих восьми, остальные паны не явились, и поэтому, пишут люстраторы, «другие села писаться не дали». ⁹¹ При люстрации Брацлавского замка в 1545 г. паны Брацлавского уезда заявили, что они документов на владения не предъявят, раз «вся земля Волынская» «не соизволила» предъявить документы на владения; вот «когда вся земля Волынская соизволит привилегии и листы свои перед господарем ложить, то и мы в то время положить не отказываем». ⁹²

Люстраторы Киевского уезда в 1552 г. записали села замковые; дали сведения о своих имениях митрополит и Печерский монастырь, ⁹³ а описания панских имений не было. Люстраторы отметили: «достаточного описания города и уезда Киевского, а местностей земянских и церковных и доходов воеводы не могло быть, ибо в отсутствии воеводы не допускали к этому». ⁹⁴

Итак, люстрации, на основании показаний которых Владимирский-Буданов производит подсчет населения «украинных земель», дают сведения не о всей территории украинских воеводств и уездов, а только лишь о королевщинах. Королевские имения занимали часть территории поветов; большая часть территории принадлежала панам и земянам. Поэтому люстрации дают сведения о числе населения не всей территории, а лишь части ее.

Возникает второй вопрос: насколько полно люстрации произвели опись королевских имений? Люстраторам было дано задание: выяснить и мобилизовать местные ресурсы для обороны украинной, «ибо рука неприятельская значительно усиливается, а замки украинные находятся в

⁸⁶ «Памятники, изданные временной комиссией», т. IV, Киев, 1859, стр. 45—46.

⁸⁷ Там же, стр. 45.

⁸⁸ Там же, стр. 49.

⁸⁹ Там же, стр. 64—66.

⁹⁰ «Акты Южной и Западной России», т. II, стр. 125.

⁹¹ Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 608—611.

⁹² Там же, ч. VI, т. I, стр. 24.

⁹³ Там же, ч. VII, т. I, стр. 120—121.

⁹⁴ Там же, т. I, стр. 129.

большом упадке». ⁹⁵ Люстраторы должны были выяснить на месте доходы украинских староств и проверить, тратят ли старосты достаточно средств на нужды замковой обороны. Естественно, что попытка выяснить доходы староств с пожалованных им королевских имений с целью изъять часть этих доходов на нужды обороны должна была встретить со стороны старост неприязненное отношение. Отметим, что старостами были крупнейшие магнаты Великого княжества Литовского. В 1552 г. «державцей» Киевского замка был кн. Фридрих Пронский, Винницкого — кн. Богуш Корецкий, Житомирского — кн. Дм. Сангушкович. ⁹⁶ Вступать с ними в конфликты было небезопасно, и едва ли люстраторы шли на это. Эти магнаты, бывало, просто игнорировали люстраторов. При люстрации Киевского замка воевода кн. Пронский отсутствовал, и под этим предлогом люстраторов к описи воеводских доходов не допускали. Местные органы власти отказались представить люстраторам сведения. Наместник воеводы отослал люстраторов к городничему, а последний отослал их обратно к наместнику, причем каждый из них заявлял, что люди находятся не в его ведении. В конце концов люстраторы «что сами могли узнать, то и описали». ⁹⁷ Встречая единодушный отпор со стороны местного панства, игнорируемые старостами, третируемые старостинскими слугами, люстраторы выявить действительную картину были не в состоянии. Люстраторы, производившие в 1545 г. описание Брацлавского замка, откровенно заявили, что доходы («пожитки») местных помещиков для них «закрываются», ибо какой бы доход они ни получали, «все же говорят — ничего не имеем», «все показывают пустым». Однако, добавляют люстраторы, хотя помещики и считают все пустым, но все себе присваивают — «там наше, там брата нашего, а господарского нигде не указывают». ⁹⁸

Итак, относиться с доверием к показаниям люстраций о пустынности территории, о запустении сел нельзя. Ведь сами люстраторы, записывая сведения о запустении территории со слов заинтересованных панов, старост, державцев, урядников, показывают, что этим показаниям, внесенным в люстрации, они не особенно доверяют. Не случайны поэтому в люстрациях противоречивые показания о числе населения, о запустении территорий и населенных пунктов. В люстрации 1545 г. Брацлавщины перечисляется ряд «селищ» — пустых сел, какими их изображают владельцы, а затем записано, что «дворищ» в них 28. ⁹⁹ Дворище — это большое многосемейное хозяйство, в 28 дворищах может быть несколько сотен людей. В люстрации 1545 г. Житомирского замка отмечено полное запустение окрестностей города: деревни пусты, «люди их живут в городе Житомире из-за татар». ¹⁰⁰ Владимирский-Буданов, принимая на веру запись люстратора, пишет: «В городе теснилось все население целого повета; здесь не только постоянно проживали паны и земляне целого повета, но и крестьяне их, которые не смели жить по своим селам из страха перед татарами». ¹⁰¹ Но если внимательно вчитаться в текст люстрации, то можно заметить в этом же тексте и противоположные показания. «Люди» пана Василя Тышкевича, «ко-

⁹⁵ АЗР, т. III, стр. 44.

⁹⁶ Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. 1, стр. 106, 141, 598.

⁹⁷ Там же, стр. 122.

⁹⁸ Там же, ч. VI, т. I, стр. 23.

⁹⁹ Там же, стр. 26.

¹⁰⁰ Там же, ч. VII, т. I, стр. 127.

¹⁰¹ Там же, т. II, Предисловие, стр. 39.

торые здесь жили, пошли уже в Слободищи». ¹⁰² Значит, и в уезде есть крестьяне, кроме перечисленных в городе. В одном месте люстрации Коростышев записан как пустое селище, крестьяне которого живут в городе. ¹⁰³ В другом месте люстратор пишет: этот двор у отца теперешнего короля пан Криштоф Кмита выпросил «как пустой», а было в нем 18 слуг путных замковых. Земли эти пан Кмита «пороздавал на дани» и с тех земель «дань себе берет». ¹⁰⁴ Выходит, что пану Кмите не впервые обманывать правительство. Какая же гарантия, что он сейчас говорит правду, описав свое село как пустое? Противоречивы показания о числе населения и в люстрации г. Канева 1552 г. О селе Воронове написано: «людей села того семей 15», «зимуют при замке в городе, а лето живут там на острове». ¹⁰⁵ Люстрация производилась в феврале — марте, в городе же записан из Воронова один только хозяин. ¹⁰⁶

В люстрациях на этой территории, которую паны изображают пустой, записано много пасек. Что представляют собой эти пасеки, показывает нам люстратор Брацлавского замка в 1545 г., отмечающий, что «эти пасеки не нужно считать меньшими, чем селища». А селище он вовсе не считает совершенно опустевшим, лишенным населения селом: в предыдущей фразе он пишет о 28 дворищах у землян, владеющих селищами. Описывая пасеки, люстратор замечает: «Есть такие пасеки, что и три селища одной пасеки не стоят, при ней на милю земли, а у наименьшей на полмили; там же у него пашня, спускные пруды, множество пчел, зверь всякий, плодовые сады, огороды и всякие иные выгоды». ¹⁰⁷ Ясно, что такие «пасеки» нуждаются в рабочих руках и в немалом их количестве. В этих пасеках живут люди и не наездом во время летних работ, а постоянно.

Итак, люстрации не дают полных сведений и о королевщинах. Старосты их, урядники, приписанные к замку земляне, бояре, мещане-землевладельцы скрывают от люстраторов доходы, хозяйство, целые поселения. При открытом саботаже местных властей и землевладельцев люстраторы не в состоянии были выяснить действительное количество хозяйств, даже действительное количество населенных пунктов на больших территориях украинских староств. Более или менее они могли выяснить лишь картину заселенности городов, в которых они находились, иногда — близлежащих сел; что же происходит за несколько миль от замка — для них было «закрыто». Ко всему сказанному нужно добавить, что люстрации говорят только о «послушном» населении — панах и шляхте, духовенстве, мещанах, зависимых крестьянах, но были ведь в «украинных землях» и «непослушные», не признававшие своей зависимости от панов и панско-шляхетских урядников, было и население вольное, казакующее. Люстратор Каневского замка 1552 г. говорит о казаках, «которые постоянно живут» в уходах «на мясе, на рыбе, на меду с пасек», мало того — «сытят там себе мед, как дома». ¹⁰⁸ О казаках упоминает люстрация 1545 г. Брацлавского замка. ¹⁰⁹ При слабости панского аппарата в «украинных землях» казакующих там могло быть много. Во сколько раз больше могло быть жителей «непослушных», чем «послушных», при ослаблении панского аппарата, может по-

¹⁰² Арх. Ю.-З. Р., т. I, стр. 126.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же, стр. 138.

¹⁰⁵ Там же, стр. 98.

¹⁰⁶ Там же, стр. 105.

¹⁰⁷ Там же, ч. VI, т. I, стр. 26.

¹⁰⁸ Там же, ч. VII, т. I, стр. 103.

¹⁰⁹ Там же, ч. VI, т. I, стр. 23.

казать нам люстрация украинских староств 1622 г. Возьмем Черкасское староство. «Послушные» там — только жители городов и слобод. Слобожанам можно быть «послушными», ибо до истечения срока «свободы» они повинностей не несли. В старостве домов «послушных» записано 331, «непослушных» — свыше 2000.¹¹⁰

Наконец, мы не можем согласиться со способом подсчета числа населения по указанным в люстрации объектам, который применяет Владимирский-Буданов. В люстрациях записаны «люди», «человеки». Владимирский-Буданов считает их главами семейств; множит цифру числа людей на 5 и выводит число населения. Прежде всего люстратора интересуют в первую очередь не семьи, а хозяйства. Если люстратор записывает хозяйства, то не исключена возможность, что эти хозяйства были не маленькими наделами XIX в., а хозяйствами большими — дворищами. Известно, что в середине XVI в. на Волыни были распространены дворищные хозяйства, к северу от Припяти — службы; повинности разверстывали по дворищам и службам.¹¹¹ Если на Волыни, в бассейне р. Припяти, крестьянские хозяйства — дворищные, то на каком основании мы будем предполагать, что в южных уездах Киевского воеводства и в воеводстве Брацлавском старинные большие хозяйства, оставшиеся еще со времен господства родовых отношений, уже разбиты на маленькие наделы? В документах, в люстрациях этого не видно. Наоборот, выше было указано, что в люстрациях 1545 г. Брацлавского замка записано 28 дворищ. Если крестьянские хозяйства были дворищными, то и семьи крестьянские не были малыми; вероятнее всего, это были большие семьи, включающие в себя несколько позднейших семейств. Чтобы представить себе дворищное хозяйство XVI в., возьмем описания пинских дворищ. Размер их в окрестностях Пинска обозначен в моргах. Наименьшее дворище владеет 20 моргами, 25 дворищ имеет до 50 моргов каждое, 29 дворищ — свыше 100 моргов, 10 — свыше 300 моргов. Указано дворище, в котором было 715 моргов.¹¹² Имеется описание 1528 г. земельной площади одного из дворищ с. Подгаец Луцкого уезда Волынского воеводства. Пахотной земли здесь значится на 76 дней, сенокоса — на 26 косарей.¹¹³ Имеем также некоторые сведения о числе людей, живших в дворищах Волыни. В инвентаре 1570 г. с. Смердина записано дворищ — 4, дымов — 8, хозяев — 12. В инвентаре 1570 г. с. Олешкович записано дворище — 1, дымов — 5, хозяев указано 6. В инвентаре 1570 г. с. Суско — дворищ — 9, дымов — 33, хозяев — 52.¹¹⁴ В части с. Олеско Любомльского староства в 1564 г. дворищ — 8, «в которых людей» «размножилось» — 49.¹¹⁵ В с. Повитье Ратненского староства в 1565 г. — дворищ 20, а тех, «которые на свое хозяйство от отцов отделились», — 130.¹¹⁶

Судя по повинностям, хозяева — «человеки» люстраций Киевского и Брацлавского воеводства середины XVI в. более похожи на владельцев больших старинных дворищ, чем позднейших малых крестьянских наделов. Возьмем села Печерского монастыря в люстрации Киевского замка 1552 г. Село Навоз: «человеков» — 44, дани с них — «11 коп грошей и 13 прошей, меду ведерец 130». С «человека» в среднем получает-

¹¹⁰ *Zr. dz.*, t. V, str. 134—135.

¹¹¹ «Памятники, изданные временной комиссией», т. IV, стр. 60.

¹¹² М. С. Грушевський. *Исторія України-Руси*, т. V, 1905, стр. 644—645.

¹¹³ *Арх. Ю.-З. Р.*, ч. VI, т. I, стр. 10.

¹¹⁴ Там же, ч. VII, т. II, стр. 381—382.

¹¹⁵ Там же, стр. 362.

¹¹⁶ Там же, стр. 308.

ся около 15 грошей и 3 ведерца меду. Село Мнево: «человеков 6, дани 4 копы 26 грошей»; с «человека» в среднем — $44\frac{1}{3}$ гроша. Село Тарасовичи: «человеков 6, дани 3 копы и 50 грошей, меду ведерец 14»; с «человека» в среднем — по $38\frac{1}{3}$ гроша и по $2\frac{1}{3}$ ведерца меду. Село «Сваремле, человек 7, дани 3 копы и грошей 24, меду ведерец 22»; с «человека» по $20\frac{4}{7}$ гроша, по $3\frac{1}{7}$ ведерца меду.¹¹⁷ Это большие для того времени дани, которые на Волини брали с дворищ, а не с малых наделов с семьей в 5 чел. Люстрация Кременецкого замка 1552 г. описывает «повинности всей волости» так: «С волости всей с тяглых людей приходит с дворища по 40 грошей литовских, овса по 4 мерки тамошних, то есть по 3 солянки, а еще с каждого дворища по грошу тому, кто вносит чинш в скарб; а больше того никакой работы ни подачки от них нет».¹¹⁸ Мы не можем предполагать, что повинности в «украинных» воеводствах были большими, чем в центральных: мы знаем, что в украинских воеводствах феодальный аппарат был слабее, крестьяне жили более свободно, повинности их были меньше. Если так, то «человеки» киевской люстрации 1558 г. — хозяева дворищ. В люстрации Винницкого староства «человеки» скорее похожи на хозяев отдельных домов: во-первых, их много (в Пелчевцах и Салатах — 70, в Демидовцах — 37, Почапинцах — 25, Якушинцах — 75). Во-вторых, дани их невелики: в среднем с «человека» в Пелчевцах и Салатах — по 16 грошей, в Демидовцах — по 7 грошей, в Почапинцах — по 4 гроша и по 3 третинника овса (третинник овса ценился по 5 грошей), Якушинцах — по 3.6 гроша,¹¹⁹ но в Винницком старостве в 1552 г. не всегда «человек» — это хозяин дома, зачастую и здесь «человек» — хозяин дворища. В Мезяково записано «человеков» 4, несут они военную службу, дают каждый в среднем по $22\frac{1}{2}$ гроша, кроме того, выполняют разнообразные барщинные работы. В том же селе 2 корчмы, дающие старосте доход; не может быть одна корчма на 2 дома. Люстрация 1545 г. показывает в том же селе 70 хозяев.¹²⁰ «Человеки» в Каменогорске дают по 12 грошей и по 3 третинника овса, т. е. по 27 грошей, в Микулинцах — по 12 грошей и 4 третинника овса, т. е. по 32 гроша, в Литине — по 60 грошей.¹²¹ Люстрация 1552 г. Житомирского замка в с. Шершеневичах отметила 2 «человека», которые дают 55 грошей и кадь меду; с «человека» выходит по $27\frac{1}{2}$ грошей и полкади меду. В с. Глышкевичи — 4 «человека», дают 100 грошей, т. е. по 25 грошей, в с. Старовичи — 4 «человека», дают 90 грошей и 3 кади меду, т. е. в среднем по $22\frac{1}{2}$ гроша и $\frac{3}{4}$ кади меду.¹²² Судя по даням, перед нами опять дворища.

Подведем итоги. Что же дают нам люстрации для выяснения числа населения середины XVI в.?

1. Люстрации дают сведения не обо всей территории украинских поветов, а только о ее части — о королевских имениях; паны и шляхта, за немногими исключениями, сведений о своих имениях не дали.

2. Сведения о королевщинах при саботаже старост, урядников замковых, старостинских земян и бояр даны лишь частичные — о городе и близлежащих поселениях, отдаленные поселения для люстраторов «закрыты».

¹¹⁷ Арх. Ю.-З. Р., т. I, стр. 120.

¹¹⁸ Там же, т. II, стр. 30.

¹¹⁹ Там же, стр. 38.

¹²⁰ Там же, Предисловие, стр. 51.

¹²¹ Там же, т. I, стр. 608—611.

¹²² Там же, стр. 150.

3. Сведения об описанных городах и поселениях не всегда полные — не могло быть в Брацлаве в 1545 г. 390 или 452 дома, а перед 1551 г. — 730 домов; не могло быть в Виннице в 1545 г. 273 дома, а в 1552 г. — 429 домов.¹²³

4. Люстрации совершенно не учитывают «непослушного» населения. Ручаться же в том, что в середине XVI в. его было мало, нет оснований. Таким образом, люстрации дают сведения, и то не всегда полные, о числе населения весьма незначительной части «украинных земель». На основании люстраций можно определить только число населения в лучшем случае отдельных районов, в худшем — отдельных населенных пунктов и то лишь с приблизительной достоверностью. Конечно, определяя число населения и отдельных поселений, нужно расшифровать объекты, записанные в люстрациях: установить, что понимают в данной записи под терминами «дым», «человек», «люди» и т. д. Поэтому мы считаем, что Владимирский-Буданов поступил неправильно, определяя число населения всей территории украинских воеводств и поветов лишь путем подсчета сведений о числе хозяйств, приведенных в люстрациях королевщин 1545 и 1552 гг. и считая «человеков», «людей», «дымы» люстраций главами семейств, состоящих из 5 душ. Цифры населения, полученные Владимирским-Будановым, нужно признать преуменьшенными во много раз.

Если мы используем люстрации для выяснения числа населения отдельных районов и отдельных поселений, о которых даны сведения, то убедимся, что в этих районах население в середине XVI в. было не малое. В Винницком районе много деревень и деревень больших. В люстрации 1552 г. записано в Литине 141 «человеков», повидимому, глав больших хозяйств; в Пельчевцах и Салатах — 70 «человеков»; в Пятнинанах — «человеков» 30, да слуг 8, да ремесленников — 3, да подсосудков 12; в Демидовцах — «человеков» 37, подсосудков 10; в Стрижевке — домов 80; в Якушинцах — «дымов» 75 и т. д.¹²⁴ В люстрации 1545 г. этого же староства записано в Мезякове хозяйств — 70, Махновцах — 60, Микулинцах — 60, Дашковцах — 40.¹²⁵ Это не пустынный район.

Не так пустынен и Житомирский повет, как его считает Владимирский-Буданов. Вчитываясь в люстрации 1552 г., мы видим, что не всегда селище — пустое село: в «селище» Трояновцы есть 3 «потуги», в «селище» Крошня — 7 «потуг», в «селище» Шумск — 4 «потуги»; в селах Коростышеве, Левкове, Топорищах — по 10 «человеков».¹²⁶ Вероятнее всего, как указано выше, здесь записаны дворища, но в таком случае это не малые села. Большие села и в Ратненском старостве. В 1565 г. в Мелехах 7 дворищ, в Глухах — 20, Замшанах — 11, Заставье — 12, Залисах — 20, Дубечно — 6, Заречье — 4 и т. д.¹²⁷ Если под словом «человек» скрывается хозяин дворища, то, судя по люстрации Киевского замка 1552 г., совсем неплохо заселены имения Печерского монастыря. «Человеков» показано в Навозе 44, в Линева — 6, Сороковичах — 10, Глебова — 11, Сваромье — 7, Ошитковичах — 7, Слободке на Десне — 14 и т. д.¹²⁸ Итак, судя по тем же люстрациям, северная часть «украинных земель» заселена по тем временам неплохо и не представляется

¹²³ Там же, ч. VI, т. I, стр. 25; ч. VII, т. II, стр. 20; Предисловие, стр. 33, 51.

¹²⁴ Там же, ч. VII, т. I, стр. 608—611.

¹²⁵ Там же, т. II, Предисловие, стр. 51—52.

¹²⁶ Там же, т. I, стр. 150—151.

¹²⁷ Там же, т. II.

¹²⁸ Там же, стр. 120.

такой пустынной, как это казалось Владимирскому-Буданову и следовавшим за ним историкам.

Обычно, не отрицая существования незначительного числа населения в северной части «украинных земель», категорически утверждают о почти полном отсутствии его в южной части воеводств Киевского и Брацлавского, на территории, лежащей к югу от Киева, Житомира, Винницы. Действительно, во многих документах мы найдем утверждения об их пустынности. Но документы писали люди, прежде всего панове-шляхта, весьма заинтересованные в изображении этой территории пустынной. Чтобы поменьше платить податей, либо вовсе их не платить, они скрыли при люстрировании много хозяйств и даже населенных пунктов. Если паны имели возможность даже приехавшим на место люстраторам доказывать, что они «ничего не имеют», «все называть пустым»,¹²⁹ то еще легче было говорить об этом в столице, где тоже, возможно, верили мало, но опровергнуть имели еще меньше возможностей, чем люстраторы. Особенно часто ссылались на пустынность, выпрашивая имения. Как «пустыни» выпросили паны у великого князя в окрестностях Житомира села Романов, Коростышев, Левков, а там в то время «были люди».¹³⁰

«Пустынной» принято считать территорию к югу от Киева, Житомира, Винницы с 1480-х годов, со времени нашествия Менгли-Гирея до середины XVI в. Но проскальзывает много известий о том, что и в этот промежуток времени там было немало имений и сел. Рассмотрим сведения, относящиеся к южной части Киевского воеводства. Начну с окрестностей Житомира, с того же подозрительно пустого по люстрации 1545 г. Коростышева. В 1499 г. в грамоте вел. князя там отмечено 2 данника, дающие 10½ ведер меду.¹³¹ Это, очевидно, очень большие дворща. В первой половине XVI в. Сенку Полозовичу принадлежит Бышев.¹³² Дмитрий Ивашенцевич купил в первой половине или в середине XVI в. Фастов, Городище, Потиев, Снятинку.¹³³ В 1495 г. Сенко Полозович оформил покупку за 200 коп грошей у киевской мещанки Гришковой «селища» Бугаев.¹³⁴ Это не малая сумма: в 1566 г. на Волыни с. Плоская продано за 500 коп грошей,¹³⁵ в 1569 г. село Колесец — за 140 коп грошей.¹³⁶ По Днепру вниз от Киева в первой половине XVI в. существовали Вишеньки.¹³⁷ В Триполье, по словам Даниила Дедковича, выпрашивающего себе «пожалование» на это имение, было «только» 7 «человек».¹³⁸ Над Днепром возле Ржищева в первой половине XVI в. было с. Стрымятичи.¹³⁹ В первой половине XVI в. существует г. Паволоч; сперва он принадлежал Дашковичу, а потом перешел во владение Богданы Немиричевой.¹⁴⁰ В первой половине XVI в. Остафий Дашкевич «записал по душе свое имение» Колтегаев

¹²⁹ Арх. Ю.-З. Р., ч. VI, т. I, стр. 23.

¹³⁰ Там же, ч. VII, т. I, стр. 151.

¹³¹ «Акты литовской метрики», собр. Ф. И. Леонтовичем, т. I, вып. 2, стр. 12.

¹³² E. Rulikowski. Opis powiatu Kijowskiego, Kijów — Warszawa, 1913, str. 113.

¹³³ Там же, стр. 151.

¹³⁴ РИБ, т. XXVII, стб. 569—570.

¹³⁵ Арх. Ю.-З. Р., ч. VIII, т. VI, стр. 191.

¹³⁶ Там же, стр. 264.

¹³⁷ E. Rulikowski. Op. cit., str. 123.

¹³⁸ «Акты литовской метрики», т. I, вып. 2, стр. 49—50.

¹³⁹ E. Rulikowski. Op. cit., str. 141.

¹⁴⁰ Д. Бантыш-Каменский. История Украины, изд. 4, СПб.—Киев—Харьков, 1903, стр. 72.

на Роси «с людьми и землями» Пустынскому монастырю». ¹⁴¹ В 1494 г. вел. кн. Александр утверждает Кузьму Ивашковича во владении «имениями» Товаровым (ныне Межиреч) на Роси возле Канева и Григорьевым (Григоровка, севернее Канева). ¹⁴² В 1518 г. киевская землянка Духна Суриновая судится за «селища в поле», находящиеся к востоку от Белой Церкви — Дмитровичи, Морулин, Рокитную, Ольшаницу. ¹⁴³ В правление Сигизмунда I существовало с. Мошны. ¹⁴⁴ В 30-х годах XVI в. черкасские бояре Грынковичи владеют Бегловым, Остапковцами, Лесуновцами, Новоставцами, Черемошной. ¹⁴⁵ В конце XV — начале XVI в. Иван Лисиченко записывает «селище Бузуково в Черкасах Киево-Печерскому монастырю». ¹⁴⁶ Село Климятин Черкасского уезда в 1510 г. пожаловано королем Михаилом Павше, а тот в 1512 г. передал его Пустынскому монастырю. ¹⁴⁷ В 1495 г. вел. кн. Александр подтверждает кн. Богдану Глинскому владение «селом» Родивоново (Жаботинном) «в Черкасах». ¹⁴⁸ В 1502 г. вел. кн. пожаловал Гринку Васкевичу имения к юго-западу от Черкас, между Черкасами и Звенигородкой, — Мелиево, Орловичи, Линчицы. В 1531 г. жена Гринка передала эти имения, а сверх того, болото Рденское (Ирдынь) зятю своему Ивану Зубриковичу. Последний в 1561 г. передал свои имения Млиево, Родивоново, Орловичи, Илинчинцы и болото Рденское зятю своему Филону Балакереу. ¹⁴⁹ В 1507 г. Сенько Гридкович передает Киевскому Никольскому монастырю село Гридково, находящееся «в поле» на верху Ольшаницы. ¹⁵⁰ В первой половине XVI в. мы видим 30 пасек черкасских мещан на Тясмине. ¹⁵¹ В Брацлавском воеводстве в первой половине XVI в. продают и покупают имения и несут с них службу; очевидно, какой-то доход эти имения дают. В 1494 г. вел. кн. Александр подтверждает передачу брацлавской землянкой Кахной Брындзиной наместнику Винницы Быку Александровичу «отчизны своей» Жорновища в Брацлавском уезде и «селища» Головочевец и «иных селищ» не только как родственнику, но и потому, что она взяла у него 50 коп грошей. ¹⁵² В 1504 г. староста брацлавский дал войту винницкому «селище» Котенев, а в 1505—1506 г. — селище Трибисов на Роси. В 1506 г. эти имения идут «в заставу» за 50 коп грошей. ¹⁵³ В 1559 г. король подтверждает Жабокрицким владение их «отчизными» в повете Брацлавском — «селищами» Жабокричем, Бобровым, Роговой, Юрковцами, Кузьминцами, которые они спокойно от предков «уживают» и с которых несут службу. ¹⁵⁴

Во всех своих жалобах на пустынную территорию паны, по понятным соображениям, значительно преувеличивают размер этой пустынности. В литературе уже было обращено внимание на такие факты из

¹⁴¹ Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 71.

¹⁴² РИБ, т. XXVII, стб. 527.

¹⁴³ РИБ, т. XX, стб. 1014.

¹⁴⁴ Арх. Ю.-З. Р., ч. VIII, т. V, стр. 10.

¹⁴⁵ М. Ф. Владимирский-Буданов. Предисловие к Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, стр. 132.

¹⁴⁶ «Чтения в Об-ве Нестора-летописца», кн. VIII, стр. 7.

¹⁴⁷ «Акты Южной и Зап. России», т. I, №№ 57, 59, 71.

¹⁴⁸ АЗР, т. I, стр. 151.

¹⁴⁹ Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. II, Предисловие, стр. 135—136.

¹⁵⁰ Там же, ч. I, т. VI, стр. 12—13.

¹⁵¹ Там же, ч. VIII, т. V, стр. 11.

¹⁵² РИБ, т. XXVII, стб. 151—152.

¹⁵³ Арх. Ю.-З. Р., ч. VIII, т. IV, стр. 173—175.

¹⁵⁴ Там же, ч. VIII, т. VI, стр. 69—70.

жизни южной окраины Киевского воеводства.¹⁵⁵ В 1615 г. Ян Данилович доложил королю, что в окрестностях Чигирина, на крайнем юге воеводства, есть пустое урочище Крылов, где следовало бы основать город. Король разрешил. Люстрация 1616 г. отметила в Крылове 200 домов. Что-то подозрительно быстро выросло такое большое поселение! Город Голтва «вырос» еще быстрее: на другой год после его «основания» люстрацией отмечено там 730 домов. Кропивна «основана» в 1616 г., а люстрация того же года насчитывает в ней 90 домов. Ясно, что эти населенные пункты и до своего «основания» не были пустынными, а имели многочисленное население.

Не было пустым в первой половине XVI в. и Заднепровье. В середине XVI в. там были города Басань, Быков, села Старая Басань, Марков, Юрков, Павлов, Максимов, Брегинцы, Кулажин, Карпиловка, Воронков.¹⁵⁶ В бассейне Сулы, Псла, Трубежа в это время жили севрюки. Их много. В 1493 г. Менгли-Гирей послал к Ивану III слугу своего татарина Яныша, приказал ему объехать с востока районы Переяславля. Послы, «когда в Русскую землю войдут,— писал Менгли-Гирей Ивану III,— к тебе к брату моему не дойдут из-за севрюков».¹⁵⁷ Сиверским уходам была помеха от казаков, «которые постоянно там живут».¹⁵⁸ В Заднепровье были расположены громадные владения Глинских. В 1498 г. братья Глинские делили между собой свои северские владения по Ворскле и Суле; при этом упоминаются Глинск и Полтава. В XVI в. владения Глинских перешли к Байбузам и Проскурам. Владимирский-Буданов, обнаружив дополнительные документы, исправляет себя. «Обширные владения Глинских по Ворскле, Суле и Удаю,— пишет он,— хотя в люстрациях и именуется преимущественно пустынными, но в 70-х и 90-х годах XVI в. население в этих вотчинах было; и именно не пришлое, не вновь явившееся тогда (через призвание со стороны новых владельцев); оно именуется в актах «севрюками». Польские паны в 1638 г. предъявляли московским боярам «лист кн. Мих. Вишневецкого, старосты Черкасского (1570, ноября 15), который вызывает севрюков Байбузиных ворскольских от податей всяких городов» и «лист судовой меж севрюками Ворскольскими п. Проскуринскими и п. Байбузиными вотчины их на Ворскле» (1590, июля 14)».¹⁵⁹ Реальными, вероятно, являются упоминания в грамоте Менгли-Гирея 1506 г. о городах Глинске (на Ворскле), Снепроеде (на Снепроеде, притоке Сулы), Синече (на Суле), Лосичах (на Псле), Хотмышле (на Ворскле).¹⁶⁰

Итак, южные окраины Польско-Литовского государства в первой половине XVI в. пустынными не были,— они были заселены.

Население, расположенное ближе к татарским кочевьям, жило в большей тревоге, чем жители более северных районов. Однако оно не могло надеяться, что, уйдя в северные районы, оно попадет в безопасную зону. И северные области Украины подвергались постоянным татарским опустошениям. Припомним татарские опустошения конца XV и

¹⁵⁵ Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. III, Предисловие, стр. LXVI—LXVII.

¹⁵⁶ В. Б. Антонович. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России, т. I, Киев, 1885, стр. 206.

¹⁵⁷ А. Стороженко. Стефан Баторий и днепровские казаки, Киев, 1904, стр. 10—12.

¹⁵⁸ Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 103.

¹⁵⁹ Там же, ч. VII, т. II, Предисловие, стр. 133—134.

¹⁶⁰ АЗР, т. II, стр. 4—5.

первой половины XVI в., начиная с разгрома Киева Менгли-Гиреем в 1480 г.¹⁶¹

Правда, в северных районах, где можно было прятаться в лесах, пережить эти опустошения было легче. Но, во-первых, нужно было не только прятаться, но и жить; полесские болота и пески не очень прельщали земледельцев и много людей в те времена прокормить не могли. Во-вторых, на Волыни и в Галичине не все местности лесистые; были там и открытые места. Нельзя представлять себе и все местности южных «украинных земель» открытыми; там тоже были большие лесные пространства.¹⁶²

В «украинных землях» Польско-Литовского государства власть по-

¹⁶¹ В 1485—1487 гг. татары опустошили Подолье; в 1490 г. зимой татары разгромили Волынь, взяли Владимир и другие города, дошли до Люблина; в 1494 г.— опустошали Подолье и Волынь; в 1495 г.—Волынь; в 1496 г. Волынь снова дважды подверглась опустошению; в 1497 г. татары громили окрестности Кременца; в 1498 г. турки и татары дважды опустошали Галичину, разрушили Перемышль, Ярослав, Преворск; в 1499 г. татары нападали на Белзскую землю и на окрестности Житомира; в 1500 г. они громили Волынь, Киевскую, Холмскую и Белзскую земли, доходили до Вислы; в 1502 г. опустошали Галичину, окрестности Люблина, Сендомира; в 1503 г. опустошали Белорусь, окрестности Слуцка, Новогрудка; в 1505 г. они были в Белоруси, опустошали окрестности Минска, доходили до Полоцка и Витебска; в 1506 г. они дошли до Немана, до Литвы, в 1507 г.— до Клецка; в 1508 г. опустошили Русь; в 1509 г. воевода Молдавии опустошил Подолье и Галичину; в 1510 г. татары дошли до Вильно; в 1512 г. они были на Волыни; в 1515 г. расположились у Бужска, пустили загоны по Волыни и Подолии; в 1517 г. опустошили Волынь и Подолье; в 1519 г. были в окрестностях Сокаля, Белза, Люблина; в 1512 г. громили Мозырь, Пинск, Слуцк; в 1524 г. опустошили земли Львовскую, Саноцкую, Белзскую, Подольскую; в 1526 г. опустошили территорию до Пинска; в 1534 г. опустошали Волынь; в 1549 г.— снова опустошали Волынь.

¹⁶² Нам известно, что в Брацлавском воеводстве местность между Литином, Винницей, Яновым была лесистой. Ниже Винницы по обоим берегам Рова—леса. Между Погребичами и Прилукой—большой лес. На Молочной, притоке Роси—леса Лобачевские. Бассейн р. Соб покрыт лесами. На р. Буге—«прибожская пуца». Ниже Брацлава, по правой стороне Буга, у р. Сильницы,—лес «Печениж». На р. Бершади—леса. По левой стороне Буга, на р. Удиче,—большой «Уманский лес». У верховьев Угорского Тыкила—леса Цыбулевские. У Конелы—леса, леса и у Ахматова. На Гнилом Тыкиче—лес возле Лысянки. На р. Выси—лес. На западе граница с Подольским воеводством—лесистая. Леса были на Мурафе и Буше. Много лесов на Правобережье Киевского воеводства к югу от Киева. На р. Роси от границ воеводства Брацлавского тянулись очень большие Каневские леса. На верховьях Гнилого Тыкича—леса «Богатырские». Много лесов к югу от Кагарлыка Росавы. За Черкасами—леса. Леса по Тясмину тянулись к Ирдыни и истокам Ингульца. Между верховьями Тясмина и Высю—громadный лес «Лебединский». На верховьях Ингульца—известный «Черный лес». На левом берегу Днепра до Переслава—сплошные старые леса. Берега Удая, притока Сулы, покрыты лесами. Леса в XVI в. тянулись возле Лубен по Суле, между Пслем и Ворсклой, вверх от Полтавы по Ворскле к московской границе, на берегу Мерли (притока Ворсклы). На Орели—пуца. Среди пышных лесов текла Самара. Большие леса тянулись и по соседней территории Московского государства. По карте Боплана—большой лес тянется по Ворскле и Псле, от верховьев Ворсклы за Ахтырку до Мерла. «За Карпово сторожевье до Псла и до Днепра все пошли леса большие. А за речку, за Ворсклу, царь и большие люди не хаживали, для того что по Ворскле, по обе стороны Карпова сторожевья, пошли леса большие, и ржавцы и болота есть, и на Крымского царя и на людей можно приходить на походе или на стане из лесов и из крепостей» («Материалы для истории колонизации и быта степной окраины Московского Государства», собранные Д. И. Багалеем, № 1, стр. 2). Большие леса шли по Донцу и его притокам. «По обе стороны Донца» от устья Сажного Донца и устья Липового Донца до устья Везеницы шли «места лесные, крепкие» (там же, стр. 3). «От Чугуева городища» вверх по Донцу до речки Тетлеги «чистого места верст две», а от речки Тетлеги до речки Бабки вверх по Донцу—«леса большие». По речке Удам—«лес большой», по речкам Харькову и Лопани—«леса все большие». Против Чугуева городища за Донцом—«лес большой и бор» (там же, стр. 4). На побережье Донца от Змиева до Оскола—леса (Д. И. Багалей. История Слободской Украины, Харьков, 1918, стр. 10).

следнего в середине XVI в. была непрочна. На территории этих «украинных земель» оно имело ряд опорных пунктов — украинские замки. В городах, где были эти замки, и в близлежащих поселениях власть государства еще чувствовалась, но за пределами этих опорных пунктов лежали большие территории, фактически не подвластные Польско-Литовскому государству и принадлежавшие ему лишь номинально. Громадные пространства от Киева — Житомира — Ениницы до берегов Черного моря находились частично под властью Польско-Литовского государства, частично — под властью Крыма, а большая часть этих пространств в середине XVI в. фактически не была подвластна ни тому, ни другому. Население этой территории не могло быть учтено и не фигурировало ни в люстрациях, ни в каких-либо списках налогов.

Как же жило население этой территории, где большинство населения фактически не подчинялось власти Польско-Литовского государства?

М. С. Грушевский, обосновывая свою «теорию» безбуржуазности украинской нации, проповедуя, что тяжелое положение масс украинского народа — лишь результат господства чужеземцев и отсутствия самостоятельного государства, уверяет, что и система феодальной эксплуатации была лишь следствием колониального порабощения Украины Польшей. Наличие феодальных отношений в Киевской Руси Грушевский отрицает: крестьяне, по его мнению, были тогда «свободными гражданами», наравне с боярами и мещанами.¹⁶³ «Радикальные изменения» «в жизни этих земель» дал переход их под власть Польши.¹⁶⁴ Радикальным изменением явилось прежде всего «бесправие и порабощение крестьянина, к которому его привело польское право».¹⁶⁵ По мнению Грушевского, феодальные отношения, крепостничество возникли на Украине не в результате развития самого местного общества, а были привнесены извне в результате гибели самостоятельного украинского государства, каковым Грушевский изображает Киевскую Русь. Эти общественно-политические формы, говорит он, — «чужие», «украинскому народу навязанные».¹⁶⁶ Утверждение, что феодальные отношения Украине «навязаны», стало общим местом в украинской буржуазно-националистической историографии.

Считая, что украинскому народу классовые отношения и классовая эксплуатация несвойственны, Грушевский утверждает, что на территории, на которую польская власть и польское право не распространялись, будто бы не было феодальных отношений и феодальной эксплуатации. Грушевский уверял, что в южных воеводствах, в частности на Брацлавщине, «не могло быть и речи не только об угнетении, но даже о какой бы то ни было эксплуатации» крестьянина.¹⁶⁷ Крестьяне там, по его мнению, жили «обильно и зажиточно», «пахали сколько и где желали».¹⁶⁸ Последователь Грушевского, Крипякевич, уверял, что даже в ближайших окрестностях Винницы и Брацлава, где власть Польско-Литовского государства была слабой, в XVI в. якобы существовало «однообразное отношение» и «хлоп здесь зачастую более богатый и гордый, чем пан, а паны должны уважать подданного и жить с ним по-соседски».¹⁶⁹

В действительности дело было не так. В люстрации Винницкого ста-

¹⁶³ М. С. Грушевський. Історія України-Руси, т. V, стр. 27.

¹⁶⁴ Там же, стр. 13.

¹⁶⁵ М. С. Грушевський. Ілюстрована історія України, 1918, стр. 197.

¹⁶⁶ М. С. Грушевський. Історія України-Руси, т. VI, 1907, стр. I.

¹⁶⁷ Там же, т. V, стр. 202—203.

¹⁶⁸ М. С. Грушевський. Ілюстрована історія України, Киев, 1918, стр. 199.

¹⁶⁹ И. Крипякевич. Жерела до історії України-Руси, т. VIII, Львов, 1903, стр. 9—10.

роства мы наблюдаем все формы феодальной ренты: крестьяне дают панам деньги, продукты, отбывают барщину.¹⁷⁰ И в Брацлавском повете ясно выступают основные классы феодального общества — паны и зависимые крестьяне, причем паны здесь явно местного происхождения, появляющиеся без всякого содействия «польского права». Люстратор 1545 г. отмечает, что «некоторые» из них, «не будучи урожденным боярином-шляхтичем и неизвестно откуда появившись, боярином себя называют и селища под собой держат».¹⁷¹ Люстратор, кроме 23 «старших» землян, записал 14 «подлейших», которых местные земляне «братией себе не называют и не знают, откуда они». Владеют они более чем 27 деревнями, имеют по 2—3 деревни. Имена их в так называемых пустынных местах — к югу и востоку от Брацлава. Люстратор записывает: «Марко и Мыско Мормули держат селища Жерденевцы, Зялковцы и Кузьминцы на Буге; Рахмановский держит селища Рахманов и Карпов — отчина на себя; Кудренки держат селища Фолитову и Орининцы, по дороге от Днестра; Козар держит Романовцы, Демковцы, Якубовцы на Угорском Тыкиче, а неизвестно кто есть; Мишко Чорт... держит селище Ярмолинцы за Селнищей, а Михалковцы за собой по жене; Хруць держит селище на Каменице Хруцовой; Носковиц держит селище Носковцы на Мурафе; Митько Золотар держит селище Мошурово на Звенигородчине; Данько Копыстеринский с Кайдачом держит селище Копыстерин; Щуровский держит селище Щуровую и Дровное; Грицько Чечель держит селище Калаур на Днестре, Скавучин на Буге и Коштинцы; Комары держат Стрележанцы на Буге; Козар держит на Саврани селище Пашковцы, лес Савранский... на Буге и Карачевцы на Мурафе; Дмитр Звенигородец держит селище Соколов и Мытково». Эти селища совершенно пустыми люстратор не считает: «под ними», т. е. под этими «подлейшими» боярами, он записывает «28 дворищ» — примерно одно дворище на селище.¹⁷² В 1545 г. на Брацлавщине мы видим крупных землевладельцев и мещан. Люстратор пишет: «Также и пасеки мещанские не следует считать меньшими, чем селища — есть и такие пасеки, что и три селища одной пасеки не стоят».¹⁷³ Мещане — владельцы крупных пасек, как помещики, несли военную службу: «мещане, кто пасеки под собой держит», обязаны «каждый о двуконь в оружии становиться на послугу господарскую».¹⁷⁴

Зависимые крестьяне несут феодальные повинности. Кошчичи рассказывали в 1552 г. люстраторам, что их «люди» в «месте Брацлавском» «давали им за год каждый по 12 грошей и по трегиннику овса».¹⁷⁵ Люстраторы Брацлава в 1545 г. узнали, что от местных крестьян брали «с каждого дыма по 12 грошей, по мерке овса, по хлебу, курице».¹⁷⁶ Земли расхвачаны местными феодалами-землевладельцами; нет того, о чем пишет Грушевский, — что крестьяне «пахали сколько и где желали». В люстрации Брацлава 1545 г. записано, что в «пасеках» не только запрещены кому бы то ни было «уходы», «но и стебля травы никто даром взять не может, и некоторых иметь пожитков; но и дрова, и лес — все за поклоном».¹⁷⁷ Паны в урочища, которые сами эксплуатировать не могли, допускали «болоховцев», но не даром, а за дань. Паны Кошчичи

¹⁷⁰ Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 608—610.

¹⁷¹ Там же, ч. VI, т. I, стр. 25.

¹⁷² Там же, стр. 26.

¹⁷³ Там же.

¹⁷⁴ Там же, стр. 25.

¹⁷⁵ Там же, ч. VII, т. I, стр. 610.

¹⁷⁶ Там же, ч. VI, т. I, стр. 24.

¹⁷⁷ Там же, стр. 26.

брали по 3—4 гроша, набирая таким образом 4 копы грошей в год; значит, в их урочищах 60—80 уходников.¹⁷⁸ У пана Павла Дубицкого в селище Жорновища Брацлавского уезда в урочищах «кто бы имел с пчелой стоять, либо зверя ловить, тот обязан дать пану кунницу, по договоренности (чим уеднает)». ¹⁷⁹ И в Киевском воеводстве земли были расхватаны князьями, панами, землянами. И здесь много владений помещиков, не признанных в шляхетском достоинстве — казаков и мещан. Каманин опубликовал духовное завещание «казака и обывателя чигиринского» Тишка Волевача, написанное в 1600 г. Он завещает пасеку на Чутке и хутор там же со скотом и овцами и два табуна лошадей, пасеку в Мотренине с сенокосом, пахотным полем и 120 ульями, хутор на Березовке со скотом, овцами и лошадьми, Волевачские «байраки» с сенокосом, пахотной землей и пасекой, 2000 коп грошей деньгами, 50 бочек меду; кроме того, он завещал наследникам получить долги от своих должников — 1046 коп грошей и 40 злотых.¹⁸⁰ У этих казаков есть и зависимые люди. Максим Михайлович, «обыватель и казак чигиринский», продает «обывателю и казаку» Ивану Волевачу «Плоский лес» с «поселением людей», с сенокосами, пахотными и степным полем за 1990 коп грошей.¹⁸¹

И в Киевском воеводстве крестьяне несли феодальные повинности. Крестьяне Триполья в 1500 г. вносили пану дань продуктами.¹⁸² Крестьяне Житомирского района давали дань деньгами и медом.¹⁸³ Крестьяне с. Демидовец, возле Киева, отбывали барщину, вносили мед и сено.¹⁸⁴ Крестьяне с. Петровец отбывали барщину, вносили деньги и продукты.¹⁸⁵ Села Печерского монастыря давали деньги и мед.¹⁸⁶ В Каневе давали подводы и стацию, давали также деньги, ходили на ловы, отчисляли десятину с пашни; казаки вносили сено.¹⁸⁷ Крестьяне сел Каневского староства «подачки панам своим дают».¹⁸⁸

В середине XVI в. зависимые крестьяне украинских староств имели право перехода. В 1546 г. в Винницком повете «если бы какой человек имел отложиться от которого из землян к другому, тогда должен будет дать выхода две копы грошей. А если бы казак имел отложиться, а будет иметь 30 пчел, должен дать поклона копу грошей, а если будет иметь 60 пчел, должен дать поклон сполна — 2 копы грошей».¹⁸⁹ Две копы грошей для крестьянина — большая сумма.

Города «украинных земель» середины XVI в. — не только административные центры и укрепленные пункты. В них живет много людей, для которых промышленная и торговая деятельность является главным, а возможно — и исключительным занятием. В люстрациях XVI в. наиболее развитым из украинских городов выступает Киев. Люстратор 1552 г. выделяет в нем вполне сложившиеся группы ремесленников, отмечая их повинности. Последние состоят в уплате денег, натуральных взносов и бесплатной работе на замок. Городские ремесленники дают

¹⁷⁸ Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, стр. 610.

¹⁷⁹ Там же, стр. 609.

¹⁸⁰ И. М. Каманин. Материалы по истории козацкого землевладения, «Чтения в Об-ве Нестора-летописца», кн. VIII, стр. 13—15.

¹⁸¹ Там же, стр. 16.

¹⁸² «Акты литовской метрики», т. I, вып. 2, стр. 49.

¹⁸³ Арх. Ю.-З., ч. VII, т. I, стр. 148—151.

¹⁸⁴ Там же, стр. 117—118.

¹⁸⁵ Там же, стр. 118—119.

¹⁸⁶ Там же, стр. 120.

¹⁸⁷ Там же, стр. 97—98.

¹⁸⁸ Там же, стр. 98.

¹⁸⁹ Там же, ч. VIII, т. V, стр. 44.

воеводе на рождество «коляду» по два гроша; кроме того, лучники — по луку доброму, сапожники — по паре обуви («ботов»), кузнецы — по топору, стрельники — по 10 стрел, шорники, скорняки и портные делают воеводе даром «что прикажет».¹⁹⁰ Сколько в Киеве ремесленников, — в люстрации не указано. Косвенные указания о ремесленниках даются при переписи усадеб: зачастую при обозначении имени хозяина записывают его прозвище, порою раскрывающее занятие хозяина: воскобойник, рыболов, скорняк. Судя по этим припискам, ремесленников в городе много: из 400 приблизительно хозяев 49 записано с обозначением ремесленной профессии. Но их, конечно, больше: ремесленниками могли быть, скажем, Прон Хромой, Улас Кот, Наум Черниговец, Ничипор, Федько Хвилатов и др. Кроме отмеченных ремесленников, обязанных повинностями воеводе, в Киеве жили воскобойники, калачники, мясники, плотники, стригуны шерсти, седельники, золотари, бочары, колесники.¹⁹¹ В Виннице в 1552 г. видим хозяев с кличками — сапожник, лучник, кузнец, скорняк, золотарь, портной, горшечник;¹⁹² в Каневе — сапожник, меховщик, кузнец, шорник, портной (клички по ремеслу имеют 13 хозяев);¹⁹³ в Черкасах — сапожник, скорняк, кузнец, котельник, плотник (с кличками по ремеслу — более десятка хозяев).¹⁹⁴

В этих городах была развита торговля. В Киев привозили для продажи зерно (берут «померное»)¹⁹⁵ Очевидно, есть жители, оторвавшиеся от земледелия. Из Приднепровья привозили мед, воск, рыбу, звериные шкуры. Киевское мыто от рыбы давало в год около 200 коп грошей.¹⁹⁶

Люстратор 1545 г. в Брацлаве записал мыто на замок от меда, лошадей, рогатого скота.¹⁹⁷ В 1552 г. в Виннице — мыто «господарское» «от камня воска по 4 гроша, вола по 3 гроша, кожи всякой по грошу»; продавали это мыто на год за 20 коп грошей.¹⁹⁸ Значит через Винницу проходили сотни волов, провозили десятки камней воска. В Виннице в том же 1552 г. «приезжие купцы платят старосте мыто от копы по 2 гроша», продано это мыто на год за 70 коп.¹⁹⁹ «Приезжие купцы» привозили товаров на 2100 коп грошей.

Через Киев шли караваны «из Турции, из Орды, либо из Московы».²⁰⁰ Проезжающие купцы платили мыто со стоимости товара — от копы 2 гроша. Около 1570 г. мыто это сдавали в аренду за 100 коп грошей в год.²⁰¹ Товаров караваны провозили более чем на 3000 коп грошей в год. Возили из Турции шелка, камку александрийскую на золоте, ковры, чемлот, сафьян, тебеньки, перец. Из Москвы возили меха соболиные, лисьи, сагайдаки, седла.²⁰² В Киев «с низу» по Днепру привозили черноморскую соль, из Западной Украины через Подолье — соль белую.²⁰³ Караваны из Москвы в Крым и из Крыма в Москву шли через Канев и Черкасы.²⁰⁴

¹⁹⁰ Там же, ч. VII, т. I, стр. 113.

¹⁹¹ Там же, стр. 113—117.

¹⁹² Там же, стр. 604—607.

¹⁹³ Там же, стр. 103—105.

¹⁹⁴ Там же, стр. 87—89.

¹⁹⁵ Там же, стр. 111.

¹⁹⁶ Там же, ч. VII, т. III, стр. 7.

¹⁹⁷ Там же, ч. VI, т. I, стр. 24.

¹⁹⁸ Там же, ч. VII, т. I, стр. 604.

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ Там же, стр. 112.

²⁰¹ Там же, ч. VII, т. III, стр. 8.

²⁰² Там же, т. I, стр. 82, 112.

²⁰³ Там же, стр. 112.

²⁰⁴ Там же, стр. 82, 96.

Итак, в первой половине XVI в. «украинные земли» были заселены. На этой территории наблюдались феодальные отношения, сложившиеся в результате развития местного общества, без «навязывания» их польским правом. Процесс отделения города от деревни является показателем общего роста производительных сил страны. В северных областях Украины этот процесс зашел значительно дальше, чем на юге. Татарское иго особенно сильно затормозило развитие тех земель, которые находились под непосредственной властью татар.

Укрепляет нас в убеждении о том, что «Украинные земли» в середине XVI в. не были пустыней, не только большое количество здесь населения в первой четверти XVII в., не только отрывочные свидетельства о наличии тут большого числа поселений в конце XV и первой половине XVI в., но и давно установленный факт заселенности их в предыдущее время. Эта территория не была пустынной во времена татарского и литовского господства.

Опустошение, произведенное ордами Батыея, было велико, но уничтожено было отнюдь не все население. Летописные источники говорят о взятии и разорении татарами следующих городов Киевской Руси: Киева, Колодыжна, Изяславля и Каменца. В разоренном Киеве в 1246—1247 гг. был Плано Карпини. В Киеве, по его словам, в это время было около 200 домов. Плано Карпини нашел в Киеве тысяцкого, бояр и купцов из Польши, Византии, Австрии, Италии, Франции. Печерский, Выдубицкий монастыри и храм Софии уцелели. Три остальных упомянутых города расположены на западе, в Воляни. Об опустошении других городов Киевской Руси летопись не говорит. Из опустошенных местностей и городов многие жители при приближении татар бежали, а потом, когда орда прошла, возвратились обратно. Болоховщина, князья которой переметнулись на сторону татар, была поощрена с обязательством «сеять на татар пшеницу и просо». Территория Болоховщины — большая: это бассейн верхнего и среднего течения Случи (Губин, Деревич, Звягель), бассейн верхнего течения Южного Буга (Кудин, Божский), бассейн верхнего Тетерева. Под непосредственной властью татар в 1246 г. существовал Канев и еще какой-то соседний город. Существовали русские поселения между Росью и Тясмином. Сохранилась Бакота. В 1270—1280 гг. Поросьем владел кн. Юрий.²⁰⁵ После нашествия Батыея сохранились все города в Северной земле; осталось население и в бассейне р. Сейма.²⁰⁶

Нужно признать верными выводы Владимирского-Буданова, который, признавая, что в 40-х годах XIII в. «действительно произошло громадное опустошение всей южной Руси» и «численность населения должна была уменьшиться здесь повсюду», все же пришел к убеждению, что «край отнюдь не остался после татар пустынею: население быстро восстанавливается после Батыея погрома (хотя в меньшем количестве)».²⁰⁷

Под властью татар в XIV в. здесь жило много людей: нам известен ряд городов, существовавших в «украинных землях» при захвате их Великим княжеством Литовским. Кроме Киева,— это Белгород,

²⁰⁵ Ипатьевская лет. изд. 1871 г., стр. 526—527, 549—550, 555; Арх. Ю.-З., Р., ч. VII т. I, Предисл., стр. 25, 32. Андрияшов. Нарис історії колонізації Київської землі. Київ та його околиця — «Історія і пам'ятки», Киев, 1926; стр. 60.

²⁰⁶ А. Андрияшев. Нарис історії колонізації Сіверської землі, «Записки Іст. філол. від. ВУАН», кн. XXI, стр. 115—116.

²⁰⁷ Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, Предисловіе, стр. 35.

Вышгород, Васильев, Канев, Триполье. Повидимому, во время татарского ига возникли Житомир, Черкасы, Ржищев.²⁰⁸

В XV в. к упомянутым городам прибавляются Чуднов, Винница, Хмельник, Брацлав.²⁰⁹ К ним можно добавить и города, упомянутые в грамоте 1506 г. Менгли-Гирея как «пожалованные» Хаджи-Гиреем: Звенигород, Балаклы (Балаклея возле Черкас?), Мушач (Мушуров возле Звенигородки?), Карасун (Корсунь?), Ходоров, Дашев, Немир (Немиров?); да на левом берегу Днепра — Глинск, Лосичи (на Псле?), Синеч (Сенча на Суле?), Снепорож (Слепород?).²¹⁰

Андрияшев собрал сведения о поселениях части Киевского воеводства, лежавшей на правом берегу Днепра.²¹¹ Перечислим существовавшие здесь в XV в. поселения по притокам Днепра к югу от Киева. На верховьях Ирпени были расположены Ходорков, затем Скочище, Белки, Лучин, Долгоселье, Белгородка, Беличи, Гостомель, Глебов, Унава; на притоке Ирпени — Сокольче — Фашево (Фастов?); по Стугне — Гуляльники (Мотовиловка), Васильков, Лукавица (Обухов), Веприн, Хворощин; вниз по Днепру — Триполье, Халеп, Витачев, Стайки, Ржищев, Ходоров,²¹² Заруб (Зарубинцы), Григоров, Жердево, Канев, Черкасы; по Роси — Слобода (Володарка), Антонов, Терпсеев, Товаров (Межирич). Были еще Таганча, Сквиря, Мошны, Жаботын (Родивоново). Конечно, это лишь часть бывших поселений.

Несколько десятков сел записано в раздаче Казимиром в 1448 г. имений на Брацлавщине.²¹³ В этом списке указано большинство сел Тывровской волости XVII в.: Тывров, Шандырев, Клещево, Тростянец. На восток от Брацлава, в районе Райгорода, на изгибе Буга мы видим все существовавшие в конце XIX в. села: Остолопов, Ометинцы, Ситковцы, Крапивну, Юрковцы, Носовцы. Судя по заселенности этих районов Брацлавщины, мы имеем основание предполагать, что в XV в. Брацлавщина была заселена густо. Много поселений XV в. известно нам и на левом берегу Днепра. От Днепра их можно проследить далеко на восток до южных окраин Московского государства.

Андрияшев собрал сведения и о поселениях XV в. в Северной земле.²¹⁴ По р. Остру были расположены Ситниковичи, Новоселица, Одарчиков; в верховьях Удая — Девица, Шиловичи; на р. Торговице — Курилов, здесь же Торговицкая волость; на Сейме — Мельня и волость ее; к югу от Путивля — Биринская волость; к югу от Рыльска — Мужеч, южнее — Хотеньская волость; еще южнее, на верхнем Псле — Жолвяж, Городище; на верхней Ворскле — Хотмышль; в районе верхнего Донца (на Удах?) — Донец. В грамоте Менгли-Гирея упоминается г. Оскол.²¹⁵ В 1494 г. Казимир подтверждает боярину путивльскому с. Чаплища, лежавшее к югу от Путивля.²¹⁶ В 1482 г. Казимир подтверждает кн. Роману Волконскому «два сельца» в Путивльском наместничестве — Гончар и Столпята.²¹⁷

²⁰⁸ А. Андрияшев. Нарис історії колонізації Київської землі, стр. 61.

²⁰⁹ Арх. Ю.-З. Р., ч. VII, т. I, Предисловіе, стр. 59.

²¹⁰ АЗР, т. II, стр. 4—5.

²¹¹ А. Андрияшев. Нарис історії колонізації Київської землі, стр. 75—79.

²¹² АЗР, т. II, стр. 5.

²¹³ М. С. Грушевський. Історія України-Руси, т. VII, стр. 15—16; РИБ, т. XXVII, стб. 90—91.

²¹⁴ А. Андрияшев. Нарис історії колонізації Сіверської землі, стр. 123, 127.

²¹⁵ АЗР, т. II, стр. 4—5.

²¹⁶ РИБ, т. XXVII, стб. 399—400.

²¹⁷ Там же, стб. 387.

* * *

Все приведенные данные позволяют усомниться в полных «отливах и приливах» населения в «украинных землях». Не отрицая отчасти гибели, отчасти ухода на север значительной части населения в определенные периоды, при опустошительных набегах татар, не отрицая большого количества переселенцев из северных земель в «украинные» во второй половине XVI и в начале XVII в. при усилении феодальной эксплуатации в Речи Посполитой, мы все же настаиваем на следующих положениях:

1. При «отливах» уходило не все население, большая часть оставалась на месте.

2. При «приливах» население состояло в большинстве не из новых пришельцев, а из коренного населения, жившего здесь непрерывно еще со времен Киевской Руси.

3. «Украинные земли» — от Сейма, Десны, Киева, Житомира, Винницы до Полтавы, Чигирина, Балты — были и в XVI в. сравнительно хорошо заселены, и рассматривать эти районы как «пустынные» нет никаких оснований.